

У истоков Руси

Александр Майборода

Скифы
ВЕЛИКАЯ СКИФИЯ

Александр Дмитриевич Майборода

Скифы. Великая Скифия

Серия «У истоков Руси»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63977623
Скифы. Великая Скифия. Роман: Вече; Москва; 2020
ISBN 978-5-4484-8555-8*

Аннотация

Третье тысячелетие до нашей эры. Балканы. Царство Великих скифов – протославян.

Идет междоусобная война между князьями Словеном и Болгаром за обладание царским тронном, но война не в состоянии заставить людей забыть обо всем остальном. Селянин Данав любит соседскую девушку Денепру, а вдова царя скифов Богумира – волхвиня Вольга – влюбляется в северянина Тана, который прибыл во главе посольства. Увы, Тану понравилась Денепра, увиденная при случайной встрече, к Вольге он равнодушен, и это отразится на судьбах многих людей, потому что вдова царя не привыкла мириться с отказами и начинает плести интриги.

Меж тем князь Словен, спасая народ от войны, уводит его на север. Пути Данава и Денепры расходятся, но им суждено встретиться вновь, как воды рек Дуная и Днестра встречаются в Черном море.

Содержание

Н. М. Карамзин	5
Предисловие	7
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	45
Глава 6	48
Глава 7	54
Глава 8	59
Глава 9	69
Глава 10	76
Глава 11	94
Глава 12	97
Глава 13	110
Глава 14	112
Глава 15	116
Глава 16	125
Глава 17	133
Глава 18	140
Конец ознакомительного фрагмента.	146

**Александр Дмитриевич
Майборода
Скифы
Великая Скифия
*Роман***

Великий народ заслуживает великой истории

Н. М. Карамзин

История государства Российского
Глава 2. О славянах и других
народах, составивших
государство Российское
(отрывок)

...Нестор пишет, что Славяне издревле обитали в странах Дунайских и, вытесненные из Мизии Болгарами, а из Паннонии Волохами (доныне живущими в Венгрии), перешли в Россию, в Польшу и другие земли. Сие известие о первобытном жилище наших предков взято, кажется, из Византийских Летописцев, которые в VI веке узнали их на берегах Дуная; однако ж Нестор в другом месте говорит, что Св. Апостол Андрей – проповедуя в Скифии имя Спасителя, поставив крест на горах Киевских, еще не населенных, и предсказав будущую славу нашей древней столицы – доходил до Ильменя и нашел там Славян: следственно, они, по собственному Несторову сказанию, жили в России уже в первом столетии и гораздо прежде, нежели Болгары, утвердились в Мизии. Но вероятно, что Славяне, угнетенные ими, отчасти действительно возвратились из Мизии к своим северным единозем-

цам; вероятно и то, что Волохи, потомки древних Гетов и Римских всельников Траянова времени в Дакии, уступив сию землю Готфрам, Гуннам и другим народам, искали убежища в горах и, видя наконец слабость Аваров, овладели Трансильваниею и частью Венгрии, где Славяне должныствовали им покориться.

Может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова под именем вenedов известные на восточных берегах моря Балтийского, Славяне в то же время обитали и внутри России; может быть, Андрофаги, Меланхлены, Невры Геродотовы принадлежали к их племенам многочисленным. Самые древние жители Дакии, Геты, покоренные Траяном, могли быть нашими предками: сие мнение тем вероятнее, что в Русских сказках XII столетия упоминается о счастливых воинах Траяновых в Дакии и что Славяне Российские начинали, кажется, свое летосчисление от времени сего мужественного Императора. Заметим еще какое-то древнее предание народов Славянских, что праотцы их имели дело с Александром Великим, победителем Гетов...

Предисловие

Так уж устроен человек, что он плохо помнит, что с ним произошло вчера. А уж события, происходившие с его предками много лет назад, просто не укладываются в его голове. Между тем и тогда люди жили, любили, создавали семьи, растили детей. Перед ними стояли те же трудности, что и сейчас перед нами.

Из тех времен более или менее достоверно нам известны в Средиземноморье египетская и минойская цивилизации. Ассирийская, греческая, персидская цивилизации только зарождались.

Но легенды говорят, что в те времена была еще одна цивилизация, великая и могучая, – цивилизация скифов. Как свидетельствуют древние греческие хроники, скифы почти 1500 лет правили всем средиземноморским миром.

Надо иметь в виду, что в данном случае речь идет не о тех диких кочевниках, рядом с которыми жили греки спустя тысячелетия, – впрочем, греками все северные народы записывались в скифы и варвары, – речь идет о Великих скифах.

Великих скифов греки выделяли особо. Этот народ греками считался древнее египтян, так как они достигали господства в Европе и Азии еще до потопа, который произошел, по их мнению, в 3553 г. до н. э.

В то время, когда греков как народа не существовало и

предки греков жили в примитивных хижинах, занимаясь разведением коз, Великие скифы уже создали высокую культуру, построили города и дворцы. Основали философию. Так, Геродот упоминал скифских философов: Замолксиса, Токсариса, Анахарсиса, Абариса. Есть предположение, что письменность Великих скифов легла в основу греческого алфавита.

Какой народ назывался именем Великих скифов, куда ушел этот народ, долгое время было неизвестно. Только сейчас мы лишь начинаем догадываться, что под именем Великих скифов скрывались наши предки – праславяне.

История – словно ладья в тумане: чем дальше уходит от нас, тем менее отчетлив ее силуэт. Поэтому в представлении людей она больше похожа на мираж, чем на реальность. Однако мираж вводит в заблуждение только глаз, на самом деле в любом мираже больше правды, чем нам кажется. Так и история – за мифом прячется правда.

Сегодня мы не знаем, каким именем называли себя наши предки, как называли свои города и свое государство, поэтому в дальнейшем рассказе будем использовать имена, которыми мы пользуемся сейчас, спустя четыре тысячелетия.

Хронограф 1679 года говорит, что во второе лето после потопа Ной разделил землю между сыновьями на три части: Симу достался восток, Хаму – юг, Арию достались западные и северные страны.

Но по прошествии некоторого времени правнуки Ария:

Скиф, он же Рус, и Зардан – вернулись на земли в окрестностях Черного моря, где основали новое государство, Скифское царство. Столица царства – город Градо.

К середине третьего тысячелетия праславянские племена возглавил царь Богумир.

В 2412 году до н. э. скифский данник – молодой ассирийский царь Паний – поднял восстание.

Недовольства среди подчиненных народов случались и раньше. Обычно с ними справлялись малыми силами. Поэтому на войну с ассирийцами царь Богумир взял только небольшую дружину, что и привело к печальным результатам – в первой же стычке с ассирийцами его войско было разбито, а сам царь Богумир убит.

После смерти Богумира во главе праславянских племен остались сыновья Богумира – Словен и Рус, а также потомки Зардана – Болгар, Коман, Истер.

Царя по обычаю скифы избирали на большом совете племен. Царем могли избрать любого, тем не менее до сих пор царями избирались сыновья рода Скифа. Таким образом, после смерти Богумира царем должен был стать его старший сын Словен.

Однако, торопясь предотвратить распространение восстания против скифов на другие народы и томимый жаждой мести, Словен не стал ждать сбора большого собрания. Объявив себя, с согласия веча столичного Градо, царем, он собрал новое войско и в 2409 году до н. э. ушел воевать с ас-

сирийцами.

Прошло три года.

Итак, отсюда мы и начнем наш рассказ.

Глава 1

Много миллионов лет назад Африканский континент вонзился в Евразию, словно управляемый плохим кормчим, сбившийся с курса корабль. И так как катастрофа у Великого созидателя космоса любимый инструмент, словно мастеров у каменщика, то в месте столкновения образовался полуостров, изрезанный горами, точно морщинистое лицо умудренного жизнью старика. Горы, остроконечные, словно зубы хищной рыбы, казалось, вырастали прямо из синего моря. Как сладость и соль, сочетались в этой земле раскаленный жарким солнцем безжизненный камень и плодородная земля тенистых долин.

Люди не зря называли эту землю – Балканы, соединив в названии несовместимое – мед и кровь, потому здесь сошлись рай и ад.

Из горного ущелья в дне пути от моря стремительной струей выбивается небольшая речушка. С одной стороны река подрезает гору, густо заросшую сизым терновником.

Другой берег реки полого переходит в долину. Здесь видна кучка домов и за ними поля.

Так как камня и глины в изобилии, то они основной материал при строительстве домов и хозяйственных надворных построек. Везде камень и глина да крыши, покрытые золотистой соломой.

Для защиты от чужих людей и зверя село окружает стена высотой чуть больше человеческого роста. Тоже из дикого камня.

За стеной дворы располагаются кольцом, образуя в середине площадь.

Каждая семья в селе имеет свой дом и двор, но все люди, живущие в селе, приходится друг другу родней, более или менее близкой или далекой.

Когда село располагается рядом с дубовой рощей, то ему дают имя – Дубовица или Дубовик. А когда село лежит на берегу реки, то его называют – Водина или Водица. Так и прозывали это село – Водина.

В позапрошлом году была засуха. И в прошлом году была засуха. И зима была теплой и малоснежной – снег лежал разве на северных склонах гор в тенистых местах, а поля всю зиму оставались серыми от прошлогодней травы и сухими.

Поэтому, опасаясь новой засухи водинцы с опаской ждали тепла и надеялись, что весна принесет с собой дожди. Как только солнце стало пригревать, водинцы поспешили похоронить злую Мору и стали с крыш домов своих призывать благодатный дождь:

Дощику, дощику,
Милый дощику,
Кропи жутко,
Шоб бухо чутко.
Дожжь, дожжь,

На бабину рожь,
На дедину пшеницу,
На дивкин лен
Поливай ведром.

Но боги оказались глухи. Дождь не выпал. Еще весной наступила страшная жара. Водинцы поторопились засеять поля, надеясь, что жито до наступления жары созреет, но к празднику Купалы стало ясно, что урожай сгорел.

С наступлением жары и коровы стали меньше давать молока.

Видя такое дело, водинский староста Вадит, предварительно переговорив с волхвом Рознегом, позвал старейшин на совет.

Обустройством собрания по заведенному обычаю занялся Рознег. Первым делом он велел молодежи – парням и девкам – набрать хороших дров и хвороста и все это принести на сельскую площадь.

На сельской площади стоял каменный истукан – бог Сва-рог. Сельчане почитали и других богов. Их было много – у каждого ручья, рощи, дерева был свой бог. Мелкие боги были сделаны из дерева и хранились в специально отведенном месте – на поляне в небольшой дубовой рощнице.

Особо почиталась прародительница всей жизни – богиня Макошь. Ее истукан из камня стоял на вершине горы – эту богиню нельзя было беспокоить по мелочам.

Когда это указание было выполнено, Рознег сам лично

уложил дрова в выложенный черными от сажи камнями очаг перед истуканом Сварога: Сварог – повелитель огня, поэтому, чтобы привлечь его внимание, перед ним следовало разводить огонь.

Укладывал по порядку – сначала положил сухой хворост, способный загореться от одной искры, а сверху уложил дрова пирамидой.

По замыслу Рознега, такой костер должен был быстро загореться, но гореть долго – это было то, что и требовалось для обстоятельного разговора, каковым и должен был быть предстоящий совет.

Когда солнце повисло над горой и длинные тени дохнули прохладой, женщины принесли от каждого дома по горшку углей.

К этому времени на площадь пришли старики. Они встали вокруг очага, взяв друг друга за руки.

В этом почетном окружении Рознег пересыпал угли в один горшок. Угли были смешаны, и потому нельзя будет сказать, от чьих углей будет зажжен огонь. Впрочем, огонь, тепло и свет, которые он дает, всегда были и будут общими. Затем он высыпал их на хворост, и хворост мгновенно занялся.

Когда огонь загорелся, старики разомкнули кольцо и расселись на бревнах, уложенных на приличном расстоянии вокруг костра и, упершись седыми бородами в посохи из темно-красного вишневого дерева (вишня – знак плодородия),

стали смотреть на пляшущие языки огня.

Как известно, на огонь и воду смотреть можно вечно, наверно, потому, что созерцание огня и воды порождает склонность к размышлению о жизни – любимому занятию людей.

За спинами старцев выстроились остальные жители села. Хотя и званы на совет были старейшины, да как усидеть дома, если дело касается всех? Каждый имеет право сказать слово, когда решается его судьба.

Убедившись, что костер разгорелся, Рознег стукнул посохом о землю и поднял его на вытянутой руке. Это был призыв к молчанию.

В центр круга вышел Вадит в сопровождении трех девиц. В руках одной был каравай хлеба. В руках другой – чаша с вином. В руках третьей – луковица.

Они подошли к Рознегу и остановились.

Рознег протянул руку.

Вадит взял у первой девушки каравай и подал волхву.

Рознег с почтением опустил хлеб в огонь.

– Прими нашу пищу! – сказал Рознег и снова протянул руку.

Теперь ему подали чашу с вином. И вино было вылито в огонь со словами:

– Прими наше питье!

Наступила очередь луковицы.

– Прими наше дыхание!

Заканчивая с жертвоприношением, Рознег громко произ-

нес заговор:

– Странник Лег, светлый мой хранитель, данный мне Родом-покровителем в охранение, прошу ты усердно: ты меня днесь просвети и от всякого зла сохрани, ко благому деянию настави и на путь праведный направи, да будут все деяния мои да во славу Сварога и Рода Небеснаго. Ныне и присно и от круга до круга! Тако бысть, тако еси, тако буди!

Минуту помолчав, Рознег проговорил, что теперь можно говорить и людям.

Вадит повернулся к старикам и проговорил:

– Старики, я собрал совет, чтобы сказать вам: три года длится засуха, с наших полей мы не собираем жито, лишь зря зерно в землю бросаем. По всему видно, что и в этом году нет урожая. Мы молили богов, приносили им жертвы, но нет от них ответа. Все выгорело. Видно, не слышат боги нас и не видят. Скажите, что еще нам делать?

Вопрос был задан. Старики переглянулись, и один проговорил:

– Боги плохо ведут себя, надо их наказать.

– Да. Надо наказать, – поддержали другие.

Вадит взглянул на Рознега. Тот вздохнул.

– Не обидеть бы богов совсем...

– И что? Мы богам приносим жертвы, мы их восхваляем – а за это будем получать зло? – спросил Вадит. – Нет! Боги питаются нашими похвалами. Но все должны зарабатывать свое пропитание в поте лица своего. И нерадивые боги

должны знать, что если они не хотят помогать нам, то за это будут наказаны.

Приведя этот убедительный аргумент, он подал знак Рознегу:

– Пусть принесут кумиров на площадь, пусть боги отвечают за свои проступки перед всем народом. Пусть наказание богов за нерадивость видит сам Сварог...

Вадит бросил опасливый взгляд на статую Сварога. Если с мелкими богами можно не церемониться, то со Сварогом шутить нельзя.

– А не примет мер Сварог, то пожалуемся самой богине Макоши! – пригрозил Вадит.

Угроза нешуточная.

Рознег вместе с кучкой парней покинул площадь, но вскоре они вернулись с кумирами на руках.

Кумиров положили лицом вниз перед костром. Вадит громко, чтобы всем было понятно – в том числе и самим богам, – прочитал их проступки. Затем ему подали кнут, и этим кнутом он образцово-показательно выпорол кумиров.

После порки богов строго-настрого предупредили, что если они и дальше будут притворяться глухими и слепыми, то водинцы найдут им замену.

Поротых богов отправили на прежнее место. А водинцы стали решать, что им делать дальше. Собственно, после того как солнце сожгло поля, оставив людей без запаса на зиму, оставалось одно – сохранить скот. Пока скот цел, люди живы.

Этой задаче тоже нашлось простое решение – все согласились, что, как делали и в прошлые годы, деревенское стадо следует перегнать на горное пастбище, где и прохладно, и трава даже в самую жаркую погоду не вянет.

Оставался один вопрос: кого назначить пастухом?

Глава 2

Пастух – должность ответственная. Он должен и пастбище знать, как свои пять пальцев, чтобы скот был напоен и накормлен. И стадо сохранить в целостности: защитить и от дикого зверя, и от лихих людей – и тех и других хватает с избытком. Да и коров доить надо, и сыр квасить.

Таким образом, пастух должен быть и сильным, и смелым, и добросовестным, и дотошным. И обладать еще множеством достоинств. Таких людей мало на свете, и сыскать их нелегко.

Но в селе все же был такой человек. В прошлом году пастухом над стадом ходил молодой человек по имени Данава.

Данава физически очень крепок. Он на голову выше любого соплеменника. В плечах широк. Узкие бедра. Крепкие руки и ноги. Родители и природа даровали ему атлетическое сложение, поэтому, несмотря на громадность тела, выглядит Данава совсем легко.

И на лицо он приятен, хотя черты и довольно грубоваты: прямые пшеничные волосы, остриженные под горшок; нос – картошкой, губы – толстые, словно два вареника; щеки румяные. Подбородок и щеки покрыты курчавыми рыжими волосами. От лица Данава веет добротой. Только голубые глаза глядят грустно.

Данава приходился Вадиту племянником.

Ему девятнадцать лет. Его родители умерли два года назад. Братьев не было. Сестры отданы замуж. Поэтому он жил один в родительском доме.

Впрочем, в доме его было застать трудно, так как он добывал себе пропитание скотоводством. Он держал небольшое стадо – пару десятков коз и овец, – а потому обычно пропадал в поле.

Община выделяла Данаву участок земли, чтобы сеять жито, но он уступал свою долю Вадиту, за что тот отдавал ему часть урожая.

Таким образом, Данав жил вполне счастливо. Но грусть в глазах его поселилась не зря. Серьезный мужчина к восемнадцати годам находит себе суженую, заводит семью. Данав считал себя серьезным человеком и суженую подобрал – дочь соседа, гончара Жизнебуда.

Денепра была красивой девушкой. Приятное овальное лицо, даже скорее круглое; светлые длинные волосы на затылке собраны в пучок. По обычаю, девочки волосы носили распущенные. Замужние женщины строили более сложную прическу – сплетали волосы в косу и собирали их в узел. При выходе из дома голова прикрывалась легким платком. Девушки выбирали среднее, они же не девочки, но и не женщины, поэтому обычно собирали волосы в пучок на затылке либо заплетали в косу, но косу нельзя было собирать в узел.

В довершение портрета: большие синие глаза с длинными ресницами; розовое нежное лицо – на щеках ямочки; пра-

вильной формы нос с небольшой курносинкой; сочные губы.

Денепре было всего шестнадцать годов, но для своего возраста она выглядела чересчур крепкой. Тем не менее все части ее тела были пропорциональны, что придавало фигуре гордый и статный вид.

Она была под стать самому Данаву.

Данав любил ее, и она отвечала взаимностью. Да и родители Денекры с одобрением посматривали на влюбленную парочку. И быть бы осенью свадьбе по всем правилам.

Но прошлым летом, по пути на торг, когда Жизнебуд с женой везли в Градо на продажу партию горшков, на них напали дикие греки и убили его и его жену.

Греков тогда нашли и в назидание другим разбойникам повесили на ветвях придорожного дерева. А вот мертвых вернуть назад невозможно. Так и осталась Денепра с сестрой сиротами.

В общине сироты не пропадут. Тем более что Денепра и ее сестра были почти взрослыми женщинами, способными самостоятельно вести домашнее хозяйство: по крайней мере, они могли и пищу приготовить, и корову подоить.

Данав был тогда в отлучке – пас общинное стадо в горах и о произошедшем несчастье не знал. Однако, вернувшись осенью в село, он женился бы на Денепре и жили бы они счастливо, и долго. Так Денепра и рассчитывала.

Но в дело вмешалась тетка Голуба, сестра матери Денекры, которая происходила из племени Комана.

Узнав о гибели своей родственницы, она тут же примчалась в Водину и категорически заявила, что забирает дочерей своей сестры к себе.

Будь Денепра и ее сестра мальчиками, никто бы и не подумал их отдать в чужие руки, пусть даже они и приходились кровной родней, потому что мальчик принадлежит не матери, а отцу, а значит, в первую очередь не родителям, а племени.

Но Денепра и ее сестра были девочками, а с девочками сложнее – дочь принадлежит матери.

Тем не менее Вадит, вспомнив, что Данав упоминал о своем желании жениться на Денепре, вначале отказался отпустить Денепру. Ведь нельзя запросто так раздавать своих женщин кому попало?

Имя Голуба дается милым и мягким женщинам. Существует мнение, что голубь – птица мирная, на самом же деле голубь птица не только сильная, но и настырная. К своим ослабевшим собратьям – безжалостная. Похоже, родители пошутили, когда давали имя своей дочери.

Так что, к несчастью влюбленных, тетка Голуба была из тех продувных бестий, что слово мужчины не ставят ни в грош, а на каждое его слово отвечают сотней своих. Не зря князь Коман держал тетку Голубу в ключницах княжеского двора.

Тетка Голуба легко добила сурового старосту, напомнив старинный обычай. Согласно обычаю, женщины не лезут в

дела мужчин, но и мужчины не лезут в дела женщин. И так как ни Денепра, ни ее сестра не вошли в брачный возраст, то их судьба – женское дело. Обычай – крепче закона!

Вадит не нашел что ответить и скрепя сердце вынужден был уступить бойкой тетке. Так тетка и увезла Денепру из Водины.

А дальше все было предсказуемо: вернувшись с летнего пастбища, Данава обнаружил, что его суженую увезли. В пылу негодования Данава не захотел слушать объяснений Вадита, высказал ему множество неприятных слов и крепко-накрепко обиделся на общину. В его обиде была правда – община должна была защищать его права.

В горячке Данава заявил:

– Раз община не сумела защитить мою невесту, то об этом позабочусь я сам!

– И что же ты намерен сделать? – с подозрением спросил Вадит, предчувствуя новые неприятности.

– Я украду ее! – сказал Данава.

Вадит покраснел.

– Мы и так живем с загорцами, как голодные псы между собой, а ты хочешь нас посорить с остальными соседями? Не вздумай! Я прикажу, чтобы за тобой проследили и не дали совершить эту глупость.

– Ах, так! – возмутился Данава. – Ну, раз община не хочет защищать меня, то я уйду из общины!

Заявление было слишком серьезным – в те времена чело-

век был настолько привязан к общине, что не мог жить вне ее; изгнание из общины считалось одним из самых тяжких наказаний.

– Погоди, – примирительно проговорил Вадит. – Как можно отказаться от своих родных? С кем ты тогда останешься?

– Но разве можно жить с теми, кто тебя предает? – спросил Данава.

– Мы сделали ошибку, – повинулся Вадит. – Но погоди. Что-либо придумаем.

– Хорошо, – сказал Данава. – Я останусь. Пока.

После этого разговора Данава всю зиму не ходил на деревенские посиделки. А к весне обида не то, что забылась, но стала как-то легче колоть сердце.

Когда поднялся вопрос о пастухе, Вадит неприметным взглядом тут же нашел Данава – стоит за спинами, не хочет себя выказывать. Но с его ростом ни за какой спиной не спрячешься. Взгляд хмурый. Всем видом показывает: на меня не рассчитывайте.

А старики на вопрос о пастухе в один голос: Данава! Лучше нет пастуха. В прошлом году ни одной головы не потерял.

Это они о коровах и овцах.

Вадит подумал, что, по справедливости, раз Данава обижен обществом, то и не следовало бы трогать его. Но и старики правы: где же взять еще такого хорошего пастуха?

Тихо вздохнув, Вадит позвал Данава.

– Данава, выйди-ка в круг, видишь – общество желает тебя

видеть.

Данав еще больше нахмурился. Обида в его душе всколыхнулась, как тина в побеспокоенном болоте. И ему снова захотелось напомнить свою обиду. Но разум подсказал, что с обществом, которое сечет своих богов, следует вести себя осторожнее. В конце концов – он оставался членом общины.

Раздвинув широким плечом сельчан, Данав вышел в круг и поклонился народу.

– Вот я! Чего хотите? – неприятливо проговорил он.

Вадит обратился к старшинам:

– Вот вам Данав, которого вы хотите пастухом. Только захочет ли он сам пасти общее стадо?

Старики насторожились.

– Как это – захочет ли? – послышался строптивый вопрос. Вопрос опасный – чтобы отказаться от чести, предложенной обществом, нужна веская причина. На обиду тут не сошлешься.

– А вдруг он болен? – пришел на помощь Данаву Вадит.

– Не болен я, – гулким голосом неожиданно проговорил Данав. – И если общество доверяет мне стадо, то я готов.

Вадит облегченно выдохнул воздух – вопрос уладился лучшим образом.

Глава 3

Тетка Голуба была уже немолода, а с возрастом все больше и больше одолевали болячки. Она прекрасно понимала, что пройдет не так уж и много времени, как окажется, что ей надо будет передать свою должность более молодой и здоровой, а самой уйти на покой.

За годы работы на князя тетка Голуба сделал хороший запас, чтобы старость прожить безбедно, однако жалко было отдавать прибыльную должность в чужие руки. Своих же дочерей у тетки Голубы не было. Сыновья в ключники не годились – женская это должность. Когда тетка Голуба узнала о смерти сестры, у нее тут же возникли планы на племянницу.

Забрав племянниц из Водины, тетка Голуба малолетнюю племянницу отвезла в родовую деревню – еще пригодится, – а старшую взяла с собой ко двору князя Комана и в порядке приучения к делу поручила ей мелкую работу.

Однажды зимним утром тетка Голуба обнаружила, что на кухне нет нужного количества дров. Запас дров складывался вдоль забора в дальнем конце княжеского двора. Послав проклятия на голову истопника, тетка Голуба отправила Денепру с требованием к колыщикам дров срочно доставить дрова.

Двор был покрыт тонким слоем снега, и было довольно холодно. Однако в горячке тетка сопровождала свой наказ под-

затыльником, и Денепра выбежала во двор в чем была, даже не подумав набросить на плечи не только полушубок, но и теплый платок.

Колкой дров занимались двое молодых парней. Денепра увидела, что сейчас они сидели на бревне без дела, и в горячке напустилась на них:

– Вы чего бездельничаете?!

– А тебе чего? – нагло оскалился один из парней.

– Быстро несите дрова на кухню! – приказала Денепра.

– Наше дело колоть дрова, а носить дрова должен истопник, вот он и пусть несет, – огрызнулись парни.

– Хватит трепаться! – отрезала Денепра. – С истопника ключница особо спросит, когда его найдут. А пока – раз все равно сидите без дела – берите дрова и несите на кухню. На кухне стынут печи. Погаснет огонь, как еду готовить?

– Да нам-то чего?

Денепра в гневе топнула ногой.

– Чего-чего? Пожрать-то тоже любите!

Парни обиделись и подошли к девушке.

Один то ли шутя, то ли всерьез обхватил ее и сильно прижал к себе. Слишком сильно, так что она не могла пошевелиться.

– Отпусти! – строго сказала Денепра.

– А вот и не отпущу! – ухмыльнулся парень и впился поцелуем в ее рот.

Вот уж такого Денепра стерпеть не смогла. Для начала она

впиалась зубами в его губы, а когда тот от боли отпрянул, освободившейся рукой моментально съездила ему в глаз. И другому досталось: Денепра, не останавливая руки, смазала его по уху, так что у него в голове звон пошел.

– Ты чего? – схватился тот за ухо. – Я же тебя не трогал...

– А чтобы с дураками не водился. И под горячую руку не попадался! – парировала девица.

Парень, которому Денепра попала в глаз, пришел в себя.

– Ах, ты драться! – возмутился он и замахнулся. – А вот я тебе сейчас задам!

Но Денепра ловко уклонилась от удара и сама нанесла ему сильный удар в грудь. Удар оказался таким сильным, что парень отлетел к поленнице. На утоптаный снег, усыпанный щепками и золотистой стружкой, посыпались поленья.

Тот, которому досталось по уху, опасливо отодвинулся.

– Ну ты чего? Мы же шутя.

– Зато я не шучу, – сказала Денепра.

Парень бросил обеспокоенный взгляд на своего приятеля. Похоже, тот потерял сознание – он лежал не шевелясь.

– Уж не убила ли ты его?

Денепра взглянула сначала на парня, затем на ушибленный кулак – на костяшках набухали кровавые ссадины, Денепра подула на них. Удар был сильный, и Денепре в голову пришла мысль, что, если она и в самом деле пришибла парня насмерть, то ей придется плохо. И тетка будет сильно ругаться.

Не зная, что делать, Денепра растерянно пробормотала:
– Да вроде бы не должна...

Лежавший у поленницы парень издал стон, и Денепра обрадовалась:

– Ну вот – живой!

Парень сел и замотал головой, словно пьяный.

Денепра подошла к нему и наклонилась, трогая его за плечо.

– Ну, ты как?

Парень обескураженно заметил:

– Девка, ну ты бешеная какая-то...

– Сам виноват: зачем полез целовать без спросу?

Придя в себя окончательно, парень встал на ноги.

– Ладно, виноват. Поделом получил. Ну, ты тоже свою силушку убавь.

Денепра примирительно повинулась:

– В этом – виновата. Ну и ты уж меня прости. Сам понимаешь – шибко рассердилась я.

– Не, не возьму я тебя замуж, – появилась улыбка на разбитых губах парня.

– А чего так? – тоже улыбнулась Денепра.

– Опасно такую держать в женах: рассердишься – и в самом деле под горячую руку прибьешь.

– А я за тебя и не пойду замуж, – усмехнулась Денепра.

– Наверно, в женихах у тебя настоящий богатырь, – уважительно проговорил второй парень.

– Да уж, Данав настоящий богатырь... – проговорила Денепра и спохватилась: – О боги! И чего мы тут разболтались, словно две бабки на лавочке? Там печи тухнут. Вот тетка Голуба задаст нам!

– Ладно, – сказал парень. – Сейчас мы принесем дрова.

Денепра мотнула головой.

– Не-а! Берите дрова и несите за мной.

– Ну хорошо.

Парни взяли по вязанке дров и понесли за Денепрой на кухню.

Не успели парни уйти, как подошла тетка Голуба.

– Принесли дрова, – доложила Денепра.

– Вижу, – сказала тетка и приказала: – Надень хороший платок.

Денепра, привыкшая подчиняться тетке, подхватила из сундука платок и накинула на плечи.

– К князю Коману пойдем, – сказала тетка Голуба, бросая на племянницу таинственный взгляд.

Денепра вопросов задавать не стала. Для уборки в комнатах есть свои служанки, но мало ли еще какие дела в княжеских покоях?

Тетка Голуба привела Денепру в большую комнату, в которой находился мужчина в красивой одежде, украшенной золотом и серебром.

– Князь Коман это, – шепнула тетка Голуба на ухо Денепре, и Денепра поклонилась.

Князь подошел к ним.

– Как тебя зовут? – спросил он, остановившись перед Денепррой.

– Денепррой ее зовут, – поспешила ответить тетка.

Князь пристально взглянул в лицо Денепры.

– Денепра, – сказала Денепра.

Она не понимала, почему князь проявил к ней, простой девушке, интерес, но здраво рассудила, что скоро все прояснится.

– Не бойся меня, – сказал князь.

– А я и не боюсь, – смело сказала Денепра.

Князь улыбнулся.

– Как и тех двоих во дворе?

Денепра почувствовала, как жар прилил к щекам, и она смущенно опустила глаза.

Тетка Голуба с недоумением уставилась на нее.

– Они сами виноваты, – сконфуженно пробормотала Денепра.

– А если бы они поколотили тебя? – спросил князь.

– Не, когда я сержусь, со мной никакого сладу нет, – скромно похвасталась Денепра. – Меня даже Данава побаивался, а он самый сильный человек, которого я знаю.

– Ну что же! – проговорил князь и хлопнул в ладоши.

– Ты чего же, негодная, натворила? – испуганно зашептала в ухо девушке тетка Голуба.

– Ничего, – в ответ шепнула Денепра. – Во дворе ко мне

двое приставали, я их нечаянно и побила.

– Ох, горе мне, – вздохнула тетка и обратилась к князю: – Князюшка Коман, прости ее, выросла девка здоровенная, а умом слабая – не знает меры силы своей.

– Ты чего? – удивленно обернулся князь.

– Я ее сегодня же в деревню отправлю, – сказала тетка Голуба.

– Погоди, – сказал князь.

В комнату вошла хрупкая девушка.

Тетка поклонилась.

– Здравствуй, княжна Порусса.

Денебра также поклонилась.

– Ты меня звал, отец? – спросила княжна Порусса.

Князь показал на Денебру.

– Порусса, вот Денебра. Она только что поколотила двух парней.

Порусса бросила изумленный взгляд на Денебру.

Князь продолжил:

– Ты жаловалась, что тебе мешают охранники-мужчины, так вот – я предлагаю тебе в охранницы эту девушку. Она сильна, храбра, а умению сражаться мечом и другим оружием ее научат дружинники.

Порусса подала руку Денебре.

– Я рада, если у меня будет не только охранница, но и подруга.

Услышав решение князя, тетка Голуба только покачала

головой да пробормотала под нос: «Вот и младшая сестра пригодится».

Глава 4

Пастбище находится недалеко: по хорошей дороге – чуть больше полудня неспешного хода. А напрямик – по горной тропе – так и за час успеешь. Но по горной тропе коров не провести, там и людям опасно.

Когда что-то повторяется из года в год, то люди из этого создают традицию. Вот и выгон скота на горные пастбища в Водине также превратился в торжественную церемонию.

Как только прокричали петухи, Данаव вышел на темную деревенскую площадь.

На нем белые шаровары, чистая белая полотняная рубаха. На ногах кожаные сапоги. Рубаха подпоясана кожаным поясом, украшенным бронзовыми фигурками зверей. На поясе висит фляга с чистой водой.

Через плечо накинута овчинная полушубок – нужная вещь: в горах ночи холодные.

На другом плече висит холщовая котомка – в котомке огромный каравай хлеба, связка сушеной таранки, добрый кусок сала, десяток луковых головок, чеснок и несколько мешочков с крупой, в основном пшеничной, чтобы варить кулеш, заправленный салом и луком. Больше ничего не надо: остальное – лишний вес.

Пастух голодным не останется. У пастуха целое стадо коров, коз, овец, которых предстоит доить дважды в день. Мо-

лока будет море разливанное. Из молока пастухи будут делать брынзу. А скиснет молоко в бузу – и это пойдет в пищу. Буза – любимая еда пастухов.

А когда устроятся на месте, Данав сходит на охоту.

В горах дичины изобилие, а у любого пастуха есть лук и копье. Мясо будет в изобилии. То, что сразу не съедят, засушат в бастурму.

В общем, пастухи в горах не умрут с голода.

У ног Данава легли лохматые собаки. Собаки лично обучены Данавом пастушьему делу.

Было так тихо, что Данаву показалось, что он один-единственный на свете, и даже по его спине пробежали холодные мурашки: человек – существо стадное, поэтому больше всего боится остаться в одиночестве.

Подтянув на спину полушубок, Данав окинул взглядом небо – восточная сторона чистого глубокого небосклона золотилась ровным сиянием. Дым из очагов лениво поднимался столбом прямо вверх. Отметив, что приметы обещают хорошую погоду, – впрочем, так уж ли хороша ясная погода, если обожженная солнцем земля идет трещинами, когда все живое только и мечтает, как о живительной влаге? – Данав негромко проговорил: «Пора!» – вынул из котомки рожок, обер его рукавом и приложил к губам.

Тишину разорвал нежный звук.

Тут же твякнула дворовая собака – пастушьи собаки в ответ грозно заворчали.

Замычала корова, другая. Послышались сонные женские голоса. В ночи они звучали оглушительно. Застучали открывающиеся деревянные запоры.

Данав любил эти минуты, потому что чувствовал себя в этот момент самым создателем мира.

Но вот площадь начала заполняться теплыми сопящими животными и людьми. Головы коров украшены разноцветными лентами.

Люди приветствовали старшего пастуха, как самого почетного члена своего племени. От старшего пастуха многое зависело – будет ли он приглядывать за животным. Да и если будет добр, то приласкает ли любимицу семьи? Коровка-то существо благодарное: за небольшую ласку оплатит сторицей – и молоком, и теленком.

Поэтому женщины, подводя любимиц к Данаву, совали в котомку пастуха добрый кусок пирога и, заискивающе заглядывая в глаза, просили:

– Данавушка, ты бы присмотрел за моей Буренкой.

Данав, понимая беспокойство хозяек, доброжелательно обещал:

– Присмотрю, Любушка, как же – присмотрю.

А как же не обещать?

Хоть и остался на душе Данав горький осадок от обиды, да все родного рода-племени. Община – семья. А чего не бывает в семье? И дети дерутся, и взрослые ссорятся. Потом все мирятся. Но когда одному плохо, всей общиной его за-

щищают. Нет, без общины человеку не выжить...

К тому же пастухам полагается доля от молока и сыра – тоже хорошая причина заботиться о животных, как о своих.

Рядом с Данавом встал помощник Троян. Он представил подпасков – кучку пятерых мальчишек.

Данав отправил Трояна собирать скот – собаки ушли с Трояном, – а сам Данав занялся подпасками.

Каждый, кто идет в горы пасти скот, должен быть ко всему готов. У него должно иметься оружие – чтобы защитить себя и стадо; у него должна быть соответствующая одежда – чтобы не околел от холода ночью; у него должна быть вода – чтобы не умер от жажды; в горах не так-то просто найти воду. И в конце концов, у него должен быть запас пищи.

Все это должно быть. В горах даже от мелочи зависит человеческая жизнь.

Поэтому, велев мальчишкам выстроиться в шеренгу, Данав занялся проверкой их экипировки. Он перед каждым останавливался и осматривал.

Первым делом: здоров ли? На пастбище у каждого есть работа, и если кто-то заболел, то за него вынужден будет делать работу другой. Поэтому в горах некогда будет возиться с больным.

Второе: как одет? У подпасака должна быть исправная одежда и добротная обувь. Без хорошей обуви на камнях все ноги собьешь. И обязательно – легкий овчинный полушубок.

Затем Данав трогает флягу: полна ли воды?

Затем смотрит в котомку.

– Есть ли хлеб?

– Есть!

– Шмат сала?

– Есть. Имеется и кус колбасы!

– Молодец! А где пшено?

– Вот оно – хороший узел.

– Добре. Что ж – теперь показывай оружие.

– Вот – копье. Вот – топор. Вот – лук и стрелы. Вот – нож.

– А запасные наконечники?

– А как же.

Подпасок лезет в котомку и вынимает кожаный мешочек.

В нем кремневые наконечники к стрелам и копыю.

– Добре. Добре! – доволен Данав.

Он человек добродушный, но общество доверило ему свою жизнь, потому что стадо – единственная надежда на то, что зимой люди будут сыты и никто из них не умрет от голода. Поэтому Данав так придирчив и не дает спуска подпаскам. Не имеет он права быть добрым.

Пока Данав проверял подпасков, на площадь пришли Вадит и Рознег. Заметив их, все притихли.

– Все стадо собралось? – задал вопрос Вадит, подойдя к Данаву.

– Все, – сказал Данав.

– Вот и славно, – проговорил Вадит. Проведя ладонью по

усам и бороде, он, понизив голос, сообщил: – Вчера приходил человек из Градо. Плохую весть принес. Из Струмницы жалуются, что загорцы начали притеснять наших из других сел. На их же пастбища не пускают их скот. Землю не дают обрабатывать.

Струмница находится неподалеку от границы Загорья, страны, где князем был Болгар. И кажется, загорцы вроде родня: их старшины участвуют в выборах общего царя, – да нет у них родственных чувств к соседям. Похоже, князья, потомки Зардана, умышленно восстанавливают свои племена против соседей. Поэтому стычки на границе идут постоянно, но в первый раз загорцы зашли так далеко. Впрочем – не в первый.

– В прошлом году они до нас добрались. Даже драка случилась с ними за пастбище. Слава богу, без крови обошлось, – напомнил Данава. И чего они к нам лезут? Что, им своей земли не хватает?

– Как видно – не хватает. Говорят, что у них засуха жестче, чем у нас. Поэтому они пытаются отобрать пастбища у соседей, где получше. Вот я и беспокоюсь, как бы они снова не пришли к нам. А они обязательно придут. Если их пастбища выгорели, то им надо спасать скот, – проговорил Вадит и, на секунду задумавшись, продолжил: – Но если мы им отдадим свои пастбища, то где пастись нашему скоту?

Данава оглянулся на подпасков.

– И при этом общество дало мне в подпаски ребят малых.

Надо бы мне парней покрепче...

– Крепкие парни нужны и здесь, – сказал Вадит. – Князь Рус намекал, что будет звать брата Словена на помощь, чтобы он усмирил загорцев.

– Не усмирят, – без сомнения проговорил Данава.

– Усмирят! – возразил Вадит. – Когда Словен вернется, то старики тут же соберут большое вече, чтобы оно избрало его царем. А когда Словен станет царем, то никто не посмеет перечить его воле.

– Да когда он еще вернется, князь-то Словен? Говорят, он с ассирийцами завяз в войне накрепко, точно комар в смоле.

– Обязательно скоро вернется, – уверенно проговорил Вадит. – Разве он может бросить свой народ без защиты?

– А если загорцы все же нападут на нас? – задал вопрос Данава.

– Ничего – ты крепок. Силушки немерено, – бодро проговорил Вадит.

– Если их будет мало – справлюсь. Ну а если загорцы по-серьезному нападут? Как я с мальчишками отбиваться буду? Вадит вздохнул.

– Но ты это... – пробормотал он. – Князя обо всем этом знают. Надеюсь, они договорятся между собой. Поэтому, если столкнешься с загорцами, постарайся обойтись без кровопролития. Сдержи силу. Не нужна сейчас нам война.

– Постараюсь, – сказал Данава. В эти слова не поверили ни он сам, ни Вадит.

– Уж постарайся, – сказал Вадит и, понизив голос, заговорил: – Племяш, ты уж не обижайся из-за Денепры. Видишь же, как вышло. Ну что я мог возразить этой одуревшей тетке. Прости. На большом вече я поговорю с ихними старшинами и договорюсь, чтобы они отдали ее тебе. Тем более что она уже вошла в брачный возраст. Обещаю – я с ними договорюсь.

Вадит задел больную рану, и Данав помрачнел.

– Дядя, если она вошла в брачный возраст, то ее уже точно за кого-либо просватали. Девушка-то она красивая, крепкая.

Вадит поморщился.

– Это уж точно. Денепра – девка видная. Желающих взять ее в жены немало найдется.

– А то, – уныло промолвил Данав.

Глаза Вадита хитро заискрились:

– Может, и много найдется желающих жениться на ней. Да вот думаю, не каждый справится с такой девкой.

Данав махнул рукой.

– Да кто же будет спрашивать девку, за кого она хочет идти замуж?

Вадит покачал головой.

– Э-э-э! Молод ты еще. Не знаешь жизни. Девка не захочет – никто ее не заставит выходить замуж за нелюбимого. – Вадит с сарказмом хмыкнул. – Сучка не захочет – кобель на нее не вскочит. Силой в этих делах не прикажешь.

Данав слегка покраснел.

– Ну ладно. Об этом потом. Сейчас стадо собралось. Пора выводить.

– Ага, – сказал Вадит и, подав знак Рознегу, чтобы тот приступал к делу, громко объявил людям, прощавшимся со своими коровами: – Стадо собрано и готово в путь! Время просить у богов благословения!

Волхв Рознег вышел на середину площади и, ударяя ладонью в бубен, стал ходить по кругу.

Сделав с десяток кругов, Рознег объявил, что нужно принести богам жертву, и ему подали черного петуха. Ловким движением ножа волхв отсек голову петуху и бросил тушку на землю. Безголовое тело несколько раз трепыхнулось и затихло – жизненная сила мгновенно покинула его.

По толпе волной пробежал ужас: всем известно, что хороший знак, когда петух умирает не сразу.

Волхв тронул пальцем мертвое тело птицы. Затем рассек грудь петуху и стал трогать пальцем вывалившиеся куриные потроха и задумчиво рассматривать их, что-то бормоча под нос.

Народ, затаив дыхание, наблюдал за действиями волхва. К богам может каждый обратиться – и обращались, поэтому процедура волхвования не представляла особой тайны ни для кого. Однако разговор с богами дело интимное – каждому бог говорит на ухо свое.

Сейчас люди не слышали, что бормотал волхв, но чуяли что-то недоброе.

Рознег же наконец оглянулся на людей, встал и, подняв руки к небу, провозгласил:

– Боги благословляют стадо.

Над площадью пронесся облегченный выдох.

Рознег сложил останки петуха в котомку и, подойдя к старосте, тихо проговорил:

– Плохое дело, Вадит. Я дал надежду людям, сказав, что боги благословляют стадо. Но боги гnevаются отчего-то на наше племя.

Вадит переполошился:

– Так, может, стадо не стоит отправлять на пастбище?

Рознег ткнул побуревшим от крови пальцем в животных:

– Стадо останется целым. Я сказал правду – боги любят животных. Смерть придет к людям.

Вадит охнул:

– Этого еще нам не хватало!

– Такова воля богов, – сказал Рознег.

– Но что же делать? – спросил Вадит.

– Предупреждал я, что не стоит наказывать богов, – сказал Рознег.

– Они были наказаны за дело, – твердо проговорил Вадит. – И если они не хотят исправляться – то мы их выбросим, а заведем себе новых богов. Богов много.

– Что ж, можно и новых богов завести, – сказал Рознег. – Но пока не в силах человеческих переменить волю богов. Все должно быть, как и должно быть – стадо должно идти

на пастбище.

– Точно – мы выкинем негодных богов и заведем себе новых. Сегодня же сделаем это, – проговорил Вадит и обратился к Данаву: – Данав, если что случится плохое – тут же шли гонца.

– Ладно. Все равно кто-либо из баб через пару дней не вытерпит и прибежит на пастбище, – отозвался Данав, поднял руку и подал сигнал: – Ну, пошли!

Троян пробежал вперед, и стадо тронулось в путь. Щелкнул бичом. Яростно залаяли собаки и побежали по кругу, сгоняя стадо в компактную кучу.

Женщины провожали стадо до околицы деревни, затем отстали.

Глава 5

На перегоне Данав придерживался уже проверенного им порядка. Он шел первым впереди стада, таким образом он мог первым заметить подстерегающие стадо опасности и своевременно предпринять меры – увести стадо на другую дорогу либо принять меры для устранения опасности.

Троян шел сзади стада. Он следил за тем, чтобы животные не отставали и не терялись. Ну а подпаски с собаками удерживали стадо одной массой и следили, чтобы животные не отбивались от стада. Благодаря такому порядку довольно большое стадо передвигалось быстро.

Но летнее солнце взбирается в зенит еще быстрее. Не успели пройти и полпути, как начало припекать и животные от жары занервничали: выносливые козы и овцы, менее чувствительные к жаре, стали уходить вперед; коровы, не приспособленные к дальним переходам, стали отставать.

Подпаски с помощью собак с трудом сдерживали животных в одной куче.

Троян, шедший сзади стада, догнал Данава и озабоченно сообщил:

– Слишком жарко. Коровы совсем ослабели. Как бы нам при такой жаре не потерять с десятков голов.

Данав приложил к губам флягу с водой, сделал небольшой глоток и согласился:

– И в самом деле – стаду нужен отдых. Скоро будет вход в Дикое ущелье. В ущелье есть источник чистой воды, деревья. Переждем жару в тенечке, а после обеда погоним стадо дальше.

Троян покачал головой и с опаской заметил:

– Это так – место в ущелье обильное, даже в самую свирепую засуху там обильная трава. Но недобрая слава идет об ущелье. Говорят, что здесь появляются злые духи.

– Духи не могут быть злыми или добрыми. Они просто – духи, – философски проговорил Данав.

– А здесь духи – злые! Они забирают у людей души. Говорят, что в селении иногда случались странные случаи: в разгар дня в селение приходили пастухи, и они вели себя странно – блуждали по известным им с детства улицам, не узнавали родственников и знакомых, о судьбе оставленных отар ничего ответить не могли. К вечеру они снова уходили из селения. Назад же почти никто не возвращался. Отправленные на поиски стада люди в лучшем случае находили сбившихся в кучу коз, перепуганных неведомым зверем. Но козы, как известно, говорить не могут, так что судьба пропавших людей оставалась темной. Ну а те, кто все-таки возвращался домой, ничего не помнили, – рассказал Троян.

Данав рассмеялся:

– Пить неразбавленное вино меньше следует. Я подозреваю, что пастухи умышленно распускают страшные слухи, чтобы другие не гоняли на здешнюю жирную траву свои ста-

да. Не верю я в страшные слухи.

– Ладно, – неохотно согласился Троян. – Но на ночь я там не останусь.

– Конечно! – сказал Данав. – Это и невозможно – вечером нам надо будет доить стадо. И куда мы денем молоко?

Приободрившийся Троян побежал в голову стада, и вскоре стал загонять животных в едва заметный проход между скалами, по дну которого струился ручей.

Раньше ручей тек небольшой рекой, теперь в густой траве его почти не было видно. Троян покачал головой – воды было слишком мало.

Сначала стаду пришлось идти по узкой тропинке, но шагов через сто скалы разошлись и открылась небольшая долина.

Место и в самом деле было удобным для отдыха – плоское дно равнины окружали крутые стены. Таким образом, тут было что-то вроде большого вольера.

Через полчаса животные разбрелись по ущелью, а пастухи расположились около прохода.

Пообедав, Данав распорядился, чтобы подпаски присматривали за стадом и охраняли вход, а сам прилег вздремнуть в тень под дерево.

Глава 6

Данав видел себя на дороге, ведущей к городу, окруженному высокими стенами. Рядом с ним был человек. Данав знал, кто он, хотя боялся произнести его имя вслух.

В душе чувствовалась тревога.

– Людей на дороге не видно. К тому же, несмотря на середину дня, городские ворота закрыты, – сказал Данав спутнику.

Спутник кивнул в сторону города:

– Идем туда.

Данав направился к крепким воротам, окованным медными гвоздями. За воротами не чувствовалось движения.

– Вымерли там, что ли? – неуверенно проговорил Данав.

– Они живы, – сказал спутник.

– Хорошо, – сказал Данав и, повернувшись спиной к воротам, стал бить в ворота ногой.

Ждать пришлось долго.

– Там нет никого, – сказал Данав, чувствуя, что от битья заболела нога.

– Они там, – сказал спутник.

– Я уйду, – немного подождав, сказал Данав.

– погоди, они скоро покажутся, – сказал спутник.

После его слов в воротах открылось маленькое окошко, в котором показался испуганный синий глаз стражника.

– Приветствую тебя, стражник! – с напускной веселостью сказал Данав. – Что у вас случилось? Почему среди бела дня закрыты ворота?

Стражник внимательно оглядел Данава и сказал:

– Отойди в сторону.

– Зачем? – удивился Данав.

– Отойди! – повторил стражник.

– Отойди. Он хочет рассмотреть меня, – сказал спутник. –

Они сильно напуганы.

– Ах, вот что! – проговорил Данав и сделал шаг в сторону.

Холодный синий глаз некоторое время смотрел на спутника, потом стражник спросил:

– Кто это? Какой-то он странный...

Спутник шепнул:

– Скажи, что я лекарь.

Данав сказал:

– Это мой знакомый, он странствующий лекарь – умеет лечить людей.

Синий глаз мигнул, затем другой голос за воротами проговорил:

– Лекарь нам нужен, у нас много раненых.

Данав изумился:

– Да что же у вас произошло?

Стражник мрачно произнес:

– Боги на нас рассердились и прислали нам в кару дракона. Теперь он бродит вокруг деревни и убивает всех, кто ему

попадется на пути. Не дай бог, он прорвется в деревню. Поэтому ночью все сторожили стены, а днем отсыпаются. А ворота открывать никому не велено, потому что дракон иногда прикидывается человеком и таким обманом он проникает в города.

Данав спросил:

– И как же мы теперь попадем в деревню?

– погоди, я со стены спущу лестницу, – сказал другой голос, и стражник захлопнул окошко.

Данав обернулся к спутнику:

– Сейчас нам лестницу спустят.

Спутник показал пальцем на дорогу:

– Данав, вот чего боятся здешние жители.

Данав увидел медленно идущее на двух лапах от горы огромное чудовище – у него была голова крокодила, такая огромная, что в его зубастой пасти свободно могла поместиться корова. Маленькие красные глаза злобно искали добычу.

– Что это? – спросил Данав.

– Это дракон, – сказал спутник.

Увидев двух человек у высокой глиняной стены, чудовище, опасаясь, что легкая добыча может спрятаться, пригнуло голову, зашипело и помчалось к своим жертвам.

Под тяжелыми ударами ног земля мелко дрожала.

Сражаться с таким чудовищем было бессмысленно. Прятаться было некуда. Поняв это, Данав, прижавшись к стене,

закрыл глаза.

Очнулся он через две секунды от похлопывания по плечу.

Спутник проговорил:

– Ты должен убить дракона.

– Почему?

– Потому что, кроме тебя, это сделать никто не может.

– Да? Но он слишком велик и свиреп, – возразил Данав. –

Не лучше ли мне убежать?

– От этого зверя ты не сможешь убежать.

– От любого зверя можно либо убежать, либо спрятаться.

– От самого себя не убежишь и не спрячешься.

– Но зачем мне его убивать?

– Потому что если ты его не убьешь, то ты погибнешь, а с тобой погибнут все, – сказал спутник.

– Я боюсь его, – сказал Данав.

– Тогда умри, – сказал спутник. – Мне жаль, что я ошибся.

Я ухожу.

Под сердцем Данава шевельнулся холодный страх: он почувствовал, что если спутник уйдет, то он потеряет что-то очень важное, в чем, возможно, заключается смысл его жизни.

Это показалось страшнее, чем дракон.

– погоди. У меня нет оружия, – проговорил Данав дрожащим голосом.

Спутник подал ему короткий бронзовый меч:

– Возьми.

Данав, приноравливаясь, покрутил в руке меч и, скептически пробормотав: «Какое слабое оружие...» – направился навстречу чудовищу.

Расстояние до дракона стремительно сокращалось. Чудовище было уже в сотне шагов от них и уже разинуло пасть, готовясь схватить легкую добычу. Из оскаленной пасти торчали зубы, размером не меньше меча, что был в руке у Данава, и ручьями текла слюна: похоже, животное было голодно.

Со стен слышались крики и стоны. То рыдали от страха наблюдавшие за происходящим жители деревни.

Они встретились в тридцати шагах от крепостной стены.

Данав ловко увернулся от разинутой пасти и ударил чудовище мечом по ноге, отчего дракон споткнулся и, упав, ударился спиной о стену. От удара полетели в стороны глиняные камни, и все окуталось пылью.

Было слышно, как громко кричали несколько сбитых со стены жителей деревни. Остальные в ужасе притаились.

Наконец пыль осела, и оказалось, что после удара чудовища обвалилась часть стены.

Данав продолжал стоять там, где стоял, расставив крепкие ноги.

Дракон поднялся и, хромая, направился к противнику: ему не верилось, что это маленькое существо было способно сбить его с ног. Однако когда он, страшно рыча и воя, приблизился к своей жертве вплотную и мотнул головой, пытаясь схватить ее своими страшными зубами, его соперник

смело поднырнул под огромную голову и несколькими сильными молниеносными ударами сначала перерубил горло чудовищу, а затем и всю голову.

Кровь хлынула рекой. И Данав едва успел увернуться от тяжело рухнувшего тела чудовища и почувствовал, как задрожала земля.

Наконец Данав пришел в себя.

Он сказал:

– Дракон умер.

– Дракон пока еще жив, – сказал спутник.

– Я убил его.

– Ты еще встретишься с ним.

– Я его не боюсь.

– Бойся самого себя... потому что в самом себе ты несешь свою гибель.

Глава 7

Данав, не успев ничего сказать, почувствовал, как кто-то сильно тряс его за плечо. Он открыл глаза и увидел склонившегося над ним Трояна. Лицо Трояна было встревожено.

– Просыпайся, Данав! – громким шепотом кричал Троян.

А Данав после чудного сна никак не мог прийти в себя. Наконец стряхнул с себя наваждение.

– Что случилось?

Троян присел рядом и тихо сообщил:

– Мы слышали шум на дороге. Я послал подпасков выяснить, что там происходит. Людей они там не увидели, но на дороге множество конных следов. Не меньше сотни всадников проехало. Быстро шли. Словно за ними гнались.

Данав встал и рассудил:

– Дорога большая – тракт, всяк по ней может ехать. Если бы им было дело до нас, то они по следам на дороге завернули бы сюда. Но они проехали мимо. Значит, пошли по своим делам.

Троян покачал головой и с намеком напомнил:

– Однако тракт идет из Загорья.

– Они нас не тронули, а какие дела у прохожих, нас не касается, – сказал Данав, вспоминая слова Вадита об осторожности. Он взглянул из-под ладони на солнце и проговорил: – Пора гнать стадо на пастбище. Выгоняй скотину на дорогу.

Троян махнул рукой, и подпаски засуетились, выгоняя стадо из ущелья.

Вскоре стадо шло по дороге.

Пока шли, Данава беспокоило дурное предчувствие. Троян обратил внимание на его хмурое лицо и, замедлив шаг, поравнялся с ним.

– Ты чем-то обеспокоен? – спросил Троян.

– Как ты думаешь, загорцы успели захватить пастбище? – поинтересовался Данава.

– Ты думаешь, что они шли на наше пастбище? – спросил Троян.

– Нет, эти в Градо шли.

– Ты так думаешь?

– Уверен. Следов животных не было на дороге.

– Ну да. Отчего же ты так беспокоишься?

– В прошлом год загорцы уже пытались опередить нас. В этом году они могут постараться прийти пораньше, чтобы занять пастбище раньше нас.

– Вряд ли, – возразил Троян. – В горах еще вчера снег лежал. Не погонят же они скотину на снег?

– Не погонят, – согласился Данава.

Немного помолчал и проговорил:

– Станный сон мне приснился – будто я сражался с драконом.

Троян покачал головой:

– Не иначе, боги предупреждение посылают.

– Наверно. Только понять сон не могу.

– Волхва Рознега спроси.

– Неплохо бы, – проговорил Данава. – Но он остался в деревне, а я здесь.

– И чем же твое сражение закончилось? – спросил Троян.

– Я убил дракона.

Троян повеселел:

– Ну видишь – боги говорят, что удача на твоей стороне.

– Боги говорят, что дракон все еще жив.

– Но он же был мертв?

– Наверно. Но что бы это все значило?

– Предположим, дракон – это знак загорцев, – проговорил Троян. – Однако ты убил дракона, лилась кровь. И чем это закончится? Между тем староста просил, чтобы столкновение с загорцами, если произойдет, обошлось без крови, так как это может помешать переговорам с загорцами.

– Это так, – кивнул головой Данава. – Но вообще-то видеть кровь во сне значит скоро встретиться с родней.

– Какая у тебя родня? – удивился Троян. – Разве у тебя есть родня?

– Ну, дядька Вадит. Ну... – Данава наморщил лоб.

– И все! Не ломай голову, – поставил точку на потугах Данава вспомнить родню Троян. – Все твои родичи в нашей деревне. Нет у тебя больше родни. А кто были, те давно умерли.

– Не с мертвыми же я встречусь? – Данава нахмурился. –

У мертвых-то нет крови. Значит, кровь во сне – встреча с живыми.

– И с кем же тогда? – спросил Троян.

– Не знаю, – сказал Данав. – Тогда сон врет.

– Сны не врут, – сказал Троян. – Рознега надо спросить, что означает твой сон.

– Как же спросить волхва, если он остался в деревне? – проворчал Данав и махнул рукой. – Ну и ладно. Пусть будет, как будет. Чего гадать: встречу, тогда и узнаю, что у меня за родня появилась.

Троян хохотнул.

– Ну, если твоя неизвестная родня молода и красива...

– Глупости! Не о том ты думаешь, – сказал Данав и вернулся к главному. – Меня больше волнует, что делать нам, если загорцы захватили пастбище?

– Зараза! – рыкнул Троян и щелкнул бичом на отставшую корову.

Та пару шагов пробежала рысью и снова побрела, едва переставляя ноги.

– Шалава блудливая, так и норовит отбиться от стада. Треснуть бы ее между рогами, чтобы копыта протянула, да на мясо.

– Это Вадитова корова, – сказал Данав.

– Какая досада, – сказал Троян. – Со старостой нельзя ссориться.

Данав вздохнул:

– И в самом деле – досада. И драться нельзя, и отступить нельзя. Отступить – отдать пастбище. Отдадим пастбище, где скот пасти будем?

– И в самом деле – настоящий тупик, – согласился Троян.

– Вот скоро подойдем к пастбищу, а я не знаю, что делать, – проговорил Данав.

– Надо послать вперед мальчишку. Пусть посмотрит: свободно ли пастбище? – сказал Троян. – После этого и думать будем.

– Верно, – сказал Данав, и, положив два пальца на губы, свистнул. К нему тут же подбежал один из подпасков.

– Беги вперед стада, – приказал Данав, – посмотри – свободно ли пастбище.

– Если там кто-либо есть, беги назад со всех ног, – поддакнул Троян.

Мальчишка кинулся вперед, обгоняя коров. Под его ногами поднялся призрачный пыльный след.

– Пока он бежит, придержи немного стадо, – сказал Данав Трояну, и тот быстро пошел назад.

Вскоре подпасок вернулся и доложил, что пастбище свободно, и Данав почувствовал, что с его сердца словно камень упал.

Глава 8

Чудесная летняя ночь. Прозрачная чернота прибита к ночному небосклону мириадами хрустальных точек. Звезд так много, что и сосчитать невозможно. Но это только подчеркивает невообразимую бесконечность вселенной, ощущение ничтожества перед которой превращает у человека сердце в кусок льда.

В бесконечности одиноким маяком светит далекая луна. Луна янтарным светом освещает землю и прокладывает серебристый путь по темной поверхности моря.

Лунная дорожка робко искрится. Слышатся тихие всплески. То морские животные, повинаясь древним инстинктам, поднимались из черных морских глубин и тянулись к огням. К огням манящим, словно мечта. К огням, к которым они никогда не смогут прикоснуться.

На лунной дорожке без движения застыла одинокая ладья. Ладья большая – не меньше двадцати шагов в длину и пять-шесть в ширину. Судно построено из дубовых досок и обшито встык. Щели между досками законопачены паклей и смолой. Поверху палуба. Борта возвышаются над водой почти на человеческий рост. В бортах проемы для того, чтобы выставлять наружу весла и грести, если понадобится.

Ладья длинна и широка, но осадку имеет совсем небольшую – не больше полутора метров. Опытный человек лег-

ко догадывается, что корабль предназначен для плавания не столько по морю, сколько по рекам.

В те времена корабли не делились на торговые и военные. Купец был воином, а воин купцом. А при удобном случае грабили встречного. Так что одни и те же корабли и грузы возили, и в бой ходили.

Поэтому команда на кораблях набиралась с полусотню человек, а то и больше. Входили в нее и воины, и гребцы, и слуги, и женщины. Однако в случае опасности все брались за оружие и оборонялись.

В трюмах имелось место даже для пары лошадей и мелкого скота.

На этой ладье было пять воинов старшей дружины, десяток младшей и гребцы. Гребцы, когда не были заняты на веслах или в работах по управлению кораблем, исполняли обязанности слуг.

Не было на корабле и лошадей – посуху не собирались ездить. И тем более не было скота.

На мачте обвис парус. Его не убрали, ожидая уловить первый же ветер, чтобы двинуться дальше.

В лунном свете на парусе виден знак солнца – круг с огромным коловоротом. По знаку солнца легко было догадаться, что корабль пришел с севера, с заснеженных холодных просторов, где выше всего на свете ценится свет и тепло.

Народ северян немногочисленный и жил селами на берегах рек и озер. Кроме северян, на огромных лесных про-

странствах от морей на западе до горной гряды на востоке мало кого можно было встретить. Слишком суровы были здешние места – старики еще рассказывали сказки, что когда-то эту землю покрывали огромные глыбы льда, вершины которых царапали само небо. Поэтому северяне долгое время жили в спокойствии.

Но ничего не бывает вечным. В последние годы в земли северян откуда-то с востока, из-за старой каменной гряды, стали вторгаться чужие.

Северяне люди простые и добрые, а земли их так просторны, что хватило бы в ней места и для пришельцев.

Однако пришельцы, ожесточенные тем, что их согнали с родных мест обитания, не захотели жить в мире с хозяевами. Все лето они нападали на села северян и в злобе убивали без разбора всех: и мужчин, и женщин, и детей.

После нескольких вооруженных столкновений северянам удалось прогнать врага. Но было понятно, что рано или поздно пришельцы вернутся. Вернутся большими силами. И каждый раз их будет приходить все больше и больше. В конце концов их придет столько, что северяне либо умрут, либо вынуждены будут покинуть родные места.

Осенью было созвано вече, на котором заговорили о необходимости искать помощь.

Закон природы суров – каждый сам за себя. Помощь чужого всегда чревата тем, что оказавший помощь тебе сегодня-завтра может превратиться в твоего угнетателя. Поэто-

му предложение обратиться за помощью на сторону вызвало справедливое опасение у многих. В завязавшемся споре кто-то вспомнил старое предание о том, что где-то на юге живет народ, родственный по крови, по языку и обычаям.

Это уже был другой разговор. В результате было решено послать на юг посла с отрядом, который должен был найти легендарное племя и уговорить его помочь северянам.

Послом идти уговорили Тана.

Тан среднего роста. Коренастый. Лицо светлое, с розовым оттенком. Левую щеку пересекает шрам – в драке на мечах часто страдает лицо. Тан перевалил на пятый десяток лет, и в длинные волосы, остриженные в кружок, пробралась се-ребристая седина.

Сорок лет – немало для мужчины. Немногие доживают до этого возраста. Но Тан все еще жив и крепок – не всякий молодой человек и сейчас может сравниться с ним в силе.

Тан очень рассудительный. Семь раз отмерит, один раз отрежет. Иногда казалось, что он слишком осторожен, нерешителен и даже слаб духом. Но, рассудив, старейшины пришли к выводу, что именно такой человек и нужен для такого поручения.

Было еще одно обстоятельство, которое склонило выбор в его пользу: Тан не имел семьи – жена его умерла, а детей у них не было.

Старейшины рассудили, что одинокому человеку, которого не отягощают мысли о жене и детях, легче блуждать по

чужбине.

Но когда об этом решении сказали Тану, тот не захотел уходить из родных мест. И не потому, что боялся опасного путешествия – ведь идти придется по землям, на которых живут враждебные племена, – а потому, что, устав от бурной молодости, он мечтал о тихой жизни, о детях. В его возрасте давно пора иметь детей. Чем больше человек проживает лет, тем стремительнее несется время. И с каждым годом надежда на то, чтобы завести детей, уменьшается. Понимая это, Тан подыскивал себе новую жену, способную родить ему детей.

Поэтому он не хотел тратить время на путешествие, которое точно продлится не один год.

Его уговорили, обратившись к совести, к долгу перед племенем и в придачу пообещав дать ему в жены любую девушку, которую он пожелает.

Конечно, для этого надо было еще возвратиться из опасного предприятия. Однако так как вопрос стоял о выживании родного племени, то Тан не стал сильно упираться и дал согласие.

За зиму собралась дружина. Был построен новый корабль. И как только с рек сошел лед, отряд по главе с Таном пошел на юг.

По рекам они прошли благополучно – сначала речная дорога шла такими дремучими лесами, что человека встретить было непросто, а те, которые встречались, были одинокими

охотниками или рыбаками.

В лесной чащобе страшно встретиться со зверем – зверь не видел человека и не боялся его, а потому мог напасть. Но дружина шла по реке, ночевала на реке, а когда приставала на отдых к берегу, то старались выбирать светлые поляны, которых зверь избегал.

Но в конце концов лесные чащобы закончились, и река потекла по степи. Здесь стал опасен человек – по степи ходили дикие кочевники, для которых разбой на реках и дорогах считался обычным делом.

Крепкая собралась под началом Тана дружина, но дикари бродили многочисленными ордами и старались нападать из-за засад, используя презренное оружие, которым они били издалека, – луки и стрелы.

Однако и степи Тан миновал благополучно. Наверно, потому, что весной кочевникам не до разбоя – скот приносит приплод, и оставлять в это время стада без присмотра было бы опрометчиво.

По-настоящему же Тан задумался, когда река закончилась и корабли вышли в море.

До сих пор направление движения было ясно, реки вели Тана и его дружину на юг. По древним преданиям, когда мир охватили междоусобные войны, именно на юг ушли единокровные племена.

Прошло два месяца, а на берегах рек Тан не нашел тех, о ком говорили старики. Наконец дошли и до моря. Возник

вопрос: куда плыть дальше?

Посоветовавшись с дружиной, — в дружине народ подобрался отчаянный, небоязливый, — Тан решил плыть дальше: в конце концов и у моря должен быть конец.

Но время шло, а все не было видно ни берегов, ни встречаемых кораблей; и не у кого было спросить о местных странах и народах.

На седьмой день плавания по морю ладья попала в штиль. Полдня команда гребла веслами. Но к вечеру кормчий Квашка сказал, что так как солнце садится в туман, то примета обещает завтрашний день ветреным, и Тан велел всем отдыхать.

Все ушли спать в трюм. Наверху остались только трое. Дозорный, сидя у мачты, держал ночную вахту. Кормчий Квашка улегся дремать на своем месте — на помосте, где лежал конец длинного рулевого весла. Тут ему чудился небольшой прохладный сквозняк.

Тан постелил овчинный полушубок на носу ладьи, украшенной деревянной волчьей головой на длинной шее. Ему не спалось, и он, прислонившись спиной к борту, смотрел на звезды.

Летняя ночь проходит быстро. Вроде и не успело стемнеть, а серебристая дорожка на воде налилась мутным молоком и стала таять. Потянуло холодом.

Почувствовав холод, Тан сел и накинул на плечи овчинный полушубок, на котором расположился.

Тут и с кормы пришел Квашка.

Квашка здоровенный парень. Рыжий – широкое лицо усеяно веснушками. Водянистые глаза навывкате, глупые. Вид заспанный – к волосам прилипла соломина.

Тан недовольно покосился на него.

– Ты чего рулило оставил без присмотра?

– А куда оно денется – я его привязал, – сказал Квашка и широко зевнул.

– Не выспался, что ли? – проговорил Тан.

– Не, еще надо бы поспать, – хлопнул ржавыми ресницами Квашка.

– Тебе бы все дрыхнуть. Знаю я вас, молодежь, – пробурчал Тан.

– Так днем так наработаешься, что... – лениво отбредихивался Квашка.

Тан перебил его:

– Мы семь дней шли под парусом – какая работа? Только и делай, что дрыхни. Рожи еще не опухли?

– Не-а, – сказал, растянув толстые губы в наглую улыбку, Квашка.

– А чего не спишь? – спросил Тан.

– Замерз. Странные тут места – днем жара такая, что кажется, что сварисься живьем, а по ночам холод лютый, – сказал Квашка. – Ищу чем-либо укрыться.

– Ну так чего пришел сюда? Спустился бы под палубу, там зимние вещи сложены, – сказал Тан.

– Лень идти, – сказал Квашка. – Все равно сейчас солнце из-за горизонта поднимется и снова жарко станет, и тогда все снова придется относить вниз.

– Ну тогда жди, когда солнце встанет, – холодно сказал Тан. Ему не хотелось дальше разговаривать с Квашкой, и он, отвернувшись, замолчал.

Квашка пошарил рукой под лавкой и вытащил оттуда какую-то дерюжку и набросил ее на плечи.

Тану показалось, что парус едва заметно шевельнулся.

– Кажется, ветер поднимается, – проговорил Тан.

Квашка бросил беглый взгляд на море.

– Не, это тебе показалось.

– А я говорю, что не показалось! – раздраженно сказал Тан. – Ты бы лучше поднял людей.

– Зачем? – спросил Квашка.

– Затем, что налетит ветер и перевернет корабль! – передразнил Тан.

Квашка ему не нравился. Квашка числился в младшей части дружины, но гонору проявлял с избытком, на все у него находилось свое мнение, и он его излагал безо всякого стеснения при первой же возможности. Тан считал, что Квашка не проявляет должного уважения к старшим, и жалел, что взял его в дружину.

Квашка опять бросил взгляд в море и проговорил:

– Там, впереди, какой-то огонь виднеется...

– Какой может быть огонь в море...

– Похоже на лодку. Я на нее уж смотрю, смотрю.

Тан поднялся.

– Балбес рыжий, так чего же ты молчишь?

– Да далеко еще, не разберешь, что там, – начал оправдываться Квашка.

Тан недовольно хмыкнул и, прислонив ладонь ко лбу, взгляделся в белесый горизонт. Впереди и в самом деле темнела темная вертикальная черточка. Под ней – слабый огонек.

– Непонятно, что это... – проговорил Тан.

– Это лодка, – убежденно сказал Квашка, щуря синие глаза. – А торчит – мачта.

– Вижу, – сказал Тан. – Но отчего она не двигается?

– Наверно, это рыбак – с вечера поставил сети, а сейчас готовится их выбирать, – предположил Квашка.

– Если это рыбак, то почему он ушел так далеко от берега? – спросил Тан.

Квашка пожал плечами.

– Да кто же его знает? Где он, этот берег? Седьмой день его не видно, словно земля утонула.

– Ладно, – сказал Тан. – Пойдем к рыбаку. У него все и выясним.

– Как бы он с перепугу не удрал, – сказал Квашка.

– От нас не удерет, – сказал Тан. Он бросил взгляд на обвислый парус и решительно приказал: – Поднимай народ. Пусть садятся на весла.

Глава 9

В рыбацкой лодке было двое: хозяин лодки Выюн и его сын Мал.

Это была хорошая, крепкая лодка, способная перевезти даже десяток человек. Но с такой большой лодкой одному управляться трудно. Нужны подручные. Но чужих Выюн в лодку не брал.

Дело было родовое – прадед Выюна был рыбаком и учил рыбацкому делу своего сына. И дед Выюна был рыбаком и учил своего сына. И отец Выюна был рыбаком и учил своего сына рыбацким хитростям. И теперь сам Выюн рыбак и должен учить ремеслу своего сына.

Выюну было кого учить – у него девять сыновей. Но старшие сыновья не захотели заниматься не очень прибыльным родовым делом, а предпочли более рискованное, но сулящее быстрое богатство и почет ремесло – они вступили в дружину князя Словена, – поэтому в подручные Выюну остался только самый младший сын – Мал.

Малу десять годков. Мальчонка – худощавый, белоголовый, загорелый до черна. Пока отец тратит время на размышления о превратностях жизни, он дрыхнет, тихо посапывая, на свернутом парусе.

«Счастливый. У него все просто», – сквозь дремоту думает Выюн.

Вьюн вышел в море еще вчера, как всегда, под вечер. Действия его были обычные – на вечерней заре установил сеть, зажег огонь на носу лодки, чтобы привлечь рыбу, и стал дремать в ожидании рассвета.

Пока спал, и не заметил, как к лодке подошел неизвестный корабль. С корабля баграми подцепили лодку и потянули к себе.

Почувствовав неожиданное движение, перепуганный Вьюн вскочил, при этом едва не свалившись в воду. Когда пришел в себя, то увидел на борту корабля человека, который с любопытством, но не улыбаясь смотрел на него.

Человек был как человек, но Вьюн невольно покосился на его синие штаны. Они были из плотной шерстяной ткани. Ночью на море бывает прохладно, но одежда этого человека для здешних мест была слишком теплой, и в голове рыбака мелькнула мысль, что в этой одежде должно быть жарко. У него самого были штаны и рубаша из простого полотна, в пятнах от рыбы и соли.

Когда лодку подтянули, Вьюн увидел на палубе корабля хорошо вооруженных воинов. На них были красные рубахи и синие штаны, заправленные в темно-красные сапоги из мягкой кожи. Поверх рубах надеты стеганные, из плотного войлока рубахи с нашитыми бронзовыми пластинами, отчего воины казались, словно покрытыми рыбьей чешуей. На головах круглые с меховой опушкой шапки.

У нескольких на поясе из толстой плетеной кожи висели

короткие мечи в ножнах, украшенных серебряными бляшками.

Меч – оружие редкое и является первым признаком знатности воина, отметил Выюн, и таких знатных воинов было пятеро.

Остальные были вооружены обычно – копьями, боевыми топорами и палицами.

Лица у всех светлые. Волосы русые, острижены кружком. Усы и бороды короткие. Синие глаза глядят строго. Губы плотно сжаты.

По морю ходит много кораблей. Команды на них вооружены – в море приходится рассчитывать только на свои силы, – но слишком внушительно выглядели люди на этом корабле.

Первым делом в голове Выюна мелькнула мысль, что перед ним дружинники из войска Словена. Но слишком необычна была их одежда, и Выюн стал думать, что они могли быть морскими разбойниками.

Это Выюна встревожило. У него ничего не было ценного. Разве краюха хлеба и улов. Но краюхи хлеба было слишком мало, чтобы разбойники им могли прельститься. А вот улов... Улова было бы жалко.

Однако один из чужеземцев, налюбовавшись испуганным рыбаком, неожиданно улыбнулся широкой добродушной улыбкой, и сразу, словно солнцем озарило.

«Нет, это не разбойники!» – подумал Выюн.

Правда, это ничего не значило: разницы между воином и

разбойником никакой не было – любой человек с оружием по праву сильного мог взять все, что пожелает.

Вьюн не решился первым начать разговор.

– Будь здоров, рыбак, – сказал человек.

– И ты будь здоров, – удивленный столь неожиданной учтивостью, осторожно ответил Вьюн и поклонился.

Мал замешкался с поклоном, и Вьюн легким мимолетным движением смазал его по загривку.

– Рыбак, скажи нам, как тебя зовут, откуда ты и какого народа? – спросил чужеземец.

– Я человек. Зовут меня Вьюн, – сказал Вьюн. – А живу я в большом городе у моря.

Вьюн вдруг заметил в глазах какую-то странную радость.

– И много вас там живет? – спросил воин.

Вопрос насторожил Вьюна: уж не хочет ли чужеземец коварно выяснить, можно ли напасть на город? Вьюн зачесал внезапно вспотевший затылок.

– Однако как сказать, – уклончиво проговорил он. – Может быть, и много, а может, и мало, это с какой стороны посмотреть.

Другой чужеземец, заметив, что Вьюн уклоняется от ответа, строго заметил:

– Ты, рыбак, не юли: когда спрашивают – отвечай по делу. А то... – Чужеземец выдвинул из ножен клинок и бросил на золотистую полосу металла выразительный взгляд.

Хотя Вьюн и испугался, однако заметил:

– Сколько народа живет в городе, я точно не знаю, так как не считал, – но много. А если хочешь напасть на наш город, то бойся этого – наш князь Словен правит морями и всеми землями, что их окружают, и народами, что на них живут.

Воины на корабле, услышав слова Выюна, заулыбались.

Выюн обиделся:

– У царя Словена самое сильное войско в мире! – запальчиво бросил он. – Ему платят дань все народы.

Старший чужеземец улыбнулся и поспешил успокоить Выюна:

– Что ты, рыбак, мы и не думаем нападать на твой город. Меня зовут Тан. А пришли мы сюда, потому что искали вас. Мы послы. Мы пришли с северной страны с миром. Поэтому ты нас не бойся.

– С миром... Это хорошо, – проговорил Выюн. – Но ведь я только рыбак. Я не царь, не князь и не старшина.

– Так проводи нас к своим князьям и старшинам, – проговорил Тан.

Пока шла беседа, Выюн все время испытывал странное чувство – он словно стоял перед открытой дверью, но никак не мог в нее войти. Наконец он понял причину своих ощущений – он понимал пришельцев, хотя они пришли и из другой далекой страны и говорили на своем языке.

– Кто вы? – спросил Выюн.

Глаза Тана удивленно расширились.

– Мы пришли с севера, – напомнил он.

– Но откуда вы знаете наш язык? – спросил Вьюн.

– Потому что мы одного племени и говорим одним языком, – сказал Тан.

Вьюн нахмурился, но слова постарался подобрать осторожно:

– Ты шутишь? Все наше племя живет в этих местах.

– Ах, вот что! – Тан улыбнулся. – Рыбак, наши племена и в самом деле одной крови. Давным-давно мы были одним племенем, но после междоусобной войны ваши предки ушли на юг, а наши – на восток. Но, несмотря на это, у нас, как я вижу, сохранился один язык.

– Ага, – сказал Вьюн. – Так зачем вы пришли сюда?

– А вот это мы и скажем вашим старшинам, – строго сказал Тан.

Вьюн хотел еще спросить, но Мал тронул его за локоть, и прошептал на ухо:

– Тять, хватит его пытаться. Он уже сердится, как бы худо нам не вышло. Лучше давай отведем их в город, а там старшины уж сами разберутся с ними.

– Показать дорогу к городу? – насторожился Вьюн.

Мал даже улыбнулся.

– Тять, в город каждый день приходит множество кораблей, поэтому дорога к городу ни для кого не является секретом.

– А если они все же нападут на город? – упрямо заметил Вьюн.

– Да их же мало! Что они сделают городу? К тому же на пристани сильная охрана, – проговорил Мал.

Вьюн бросил взгляд на воинов на корабле и, вздохнув, согласился:

– Ладно, отведу я вас в город. А там – договаривайтесь со старшинами. Я ведь всего лишь обычный рыбак.

Глава 10

Уходя в поход на ассирийцев, Словен оставил охранять племенные земли младшего брата Руса.

Русу едва исполнилось шестнадцать лет. В этом возрасте, когда мальчики физически почти превратились в мужчину, но еще не избавились от детских повадок, в жилах молодых людей горным потоком бурлит горячая кровь: они неусидчивы, самонадеянны, они полны желания перевернуть весь мир.

Однако хотя Рус и молод, но к государственным делам он относится очень серьезно. Встает, едва забрезжит рассвет – в это время спать хочется нестерпимо, самый сладкий сон, но Рус с удивительным упрямством заставляет себя делать то, против чего протестует весь его организм. И даже получает от этого удовольствие.

Пока солнце лениво выползает из-за золоченого горизонта, он вместе с дружиной – бандой отчаянных молодых людей, преданных ему до последней капли крови, – разминается приемами с оружием.

Затем на голодный желудок – при пустом животе думается лучше – принимает воеводу своей дружины Радмира, который сообщает ему последние новости, и планирует дела на день. А дальше – ни минуты свободного времени.

Но сегодня привычный распорядок дня нарушился: как

только Рус открыл глаза, так в комнату вошел Радмир.

Радмир физически крепкий мужчина сорока пяти лет. Коричневый загар на его лице говорил о том, что воевода больше предпочитал проводить время в поле, чем во дворце. На руках застарелые шрамы – свидетельство участия в сражениях. Одет по обычаю: белая рубаха, перехваченная в талии витой цветной веревочкой, полотняные штаны. На ногах подобие кожаных сандалий. На боку меч в ножнах, украшенных серебряными фигурками с янтарными пластинками. Меч небольшой и легкий – скорее кинжал – не для боя, а символ.

Бог даровал людям разные физические возможности, и только оружие равняет их. Свободное ношение оружия – неперменный атрибут свободного гражданина. С помощью личного оружия он имеет возможность защищать лично себя, своих близких и свои убеждения. В те времена даже самый отъявленный тиран не ставил это право под сомнение.

Запрещалось иметь оружие только рабам. Рабов защищал их хозяин.

Но оружием надо уметь пользоваться, и каждый свободный мужчина и многие свободные женщины проходили военную подготовку с детского возраста.

У простых людей обучением занимаются отцы. А детей князей и бояр учат самые лучшие воины, самые близкие. Дело в том, что, чтобы ребенок стал профессиональным воином, он должен не столько уметь обращаться с оружием, –

разумеется, это умение должно быть доведено до совершенства, – сколько иметь надлежащую психологию. Психологию победителя. Психологию человека, каждое слово которого, каждый жест излучает приказ к подчинению. Психологию человека, способного выжить в самой безнадежной ситуации.

Отец отдал Руса на воспитание своему ближайшему другу – боярину Радмиру. Долгие годы Радмир был защитником, учителем и советчиком Руса. Пока Рус рос, он собрал ему дружину из сверстников, которыми Рус играючи учился повелевать.

Таким образом, Радмир, как самый ближний человек, имел также и право входа в княжеские покои в любое время.

У входа в комнату Руса на лавке дремал отрок. Впрочем, услышав гулкие шаги по коридору, он мгновенно проснулся и, увидев подходившего человека, потянулся к кинжалу, который он приспособил в качестве подушки. Однако, узнав воеводу, оставил кинжал в покое.

– Он спит? – спросил Радмир, подходя ближе.

– Спит, – ответил отрок.

Радмир взялся за дверную ручку.

– Ты бы сначала стукнул в дверь, – посоветовал отрок.

– Он не один? – спросил Радмир.

– Не один.

– Кто с ним?

Отрок пожал плечами.

– Князь не велел говорить.

Радмир бросил на него пристальный взгляд. Глаза отрока забегали, выдавая внутреннюю борьбу: отрок хотел сохранить преданность князю и в то же время не рассердить все-сильного воеводу.

Страх перед воеводой все же поборол преданность.

– С ним... – начал было отрок, но воевода махнул рукой.

– Да ладно! Какая разница, с кем он спит?

– Вот и я говорю, – облегченно выдохнул отрок.

Радмир стукнул пару раз в дверь согнутым пальцем, затем, немного помедлив, вошел в комнату.

Радмир услышал легкий женский вздох: ой!

В комнате было еще темно, но Радмир заметил торопливое шевеление в постели Руса – кто-то пытался укрыться одеялом с головой.

Радмир усмехнулся – женщину в постели спрятать невозможно. Но с кем спит князь – никого не касается, поэтому Радмир сделал вид, что ничего не заметил.

Он прошел к столу.

Молодой человек не спал, он приподнялся на локте одной руки, другой натянул одеяло.

– Не спишь, князь? – спросил Радмир, сев на лавку.

– Не сплю, – проговорил Рус. Он зевнул и, сладко потянувшись, спросил: – Что, пора вставать?

– Здорово ли ночевал? – спросил Радмир.

– Здорово, здорово! – проговорил Рус.

– Приятный ли сон тебе снился? – с ехидной усмешкой продолжал любопытствовать Радмир.

Рус сел в постели, опустив босые ноги на пол, и с досадой проговорил:

– Радмир, хватит ходить вокруг да около! Прямо говори. ты чего пришел в такую рань?

Радмир сел на лавку у стены и стал смотреть на Руса: его забавляли попытки спрятать от него девицу, и он ждал, как Рус выкрутится из создавшейся ситуации. Немного помедлив, Радмир все же сообщил:

– К городу с моря подходит корабль.

– И что же? – спросил Рус.

Из-под одеяла показались любопытные круглые девичьи глаза. Девица не хотела себя показывать, но любопытство было сильнее осторожности.

Градо – город мастеров. В городе много мастеров, которые производят изделия из металла, из кожи, из ткани, гончарную посуду, украшения из золота и серебра, посуду, разнообразные орудия труда и многое-многое другое. А в город везут продовольствие, вино, фрукты, олово, медь. На торговой площади города каждый день идет большой торг. Поэтому в Градо каждый день приходит множество кораблей.

Но недосуг князю разбираться с каждым кораблем – зачем он пришел и что привез. На это над портом поставлен начальник – старший боярин. Но если воевода считает нужным доложить князю о приходе корабля, то на это, значит,

есть веские причины.

Рус встал с постели и подошел к открытому окну – отсюда были видны весь порт и море. В порту стояло множество кораблей, а на самом горизонте виднелся парус.

По обнаженному телу пробежал прохладный ветерок. Ветер пах солью и водорослями.

По вестям от Словена, которые тот регулярно присылал с гонцами, Рус знал, что, усмиряя дикие народы, брат дошел до самого Египта, где жили люди, складывавшие из камня огромные пирамиды. Зачем нужны были эти каменные громадины, никто не знал.

«Ничто так не приучает людей к повиновению, как тяжелая бессмысленная работа, и строительство пирамид доказательство тому», – писал с иронией Словен.

Впрочем, все эти пирамиды не были диковинкой ни для Словена, ни для Руса. Их прадеды и раньше ходили в походы по всему миру. Доходили и до жарких стран, где жили странные туземцы с кожей черной как смоль. Доходили и до северного, вечно скованного льдами молочного океана, где легче было увидеть белого медведя, чем человека. Все это было описано в свитках, что лежали на полках библиотеки Градо.

Словен неизменно сообщал, что удача на его стороне и что он всегда побеждает в сражениях. В покоренных странах собрал богатую добычу – золото, серебро, красивых наложниц. Только рабов в завоеванных землях Словен не брал.

– Рабов заводит тот, кто сам несвободен, – говорил он.

Но всякому странствию рано или поздно приходит конец, и хотя Словен прямо не сообщал, что собирается вернуться домой, но Рус догадывался по тону его писем, что это произойдет в ближайшее время.

Поэтому, рассматривая корабль на горизонте, Рус думал, что, скорее всего, это один из кораблей, присланных Словеном вперед, чтобы предупредить о своем возвращении.

– Это от Словена корабль? – спросил Рус.

Радмир, косясь на любопытные девичьи глаза, покачал головой.

– Вряд ли. Корабль не похож на наши. Да и знамя на мачте странное. Знаков на нем не рассмотреть, но багровый цвет знамени Словена издали видно. Это – белое.

Всякий хорошо знал, что, кроме скифов, море освоили два народа – минойцы и египтяне. Египтяне строили корабли из тростника, поэтому их легко было узнать по формам. Да и не удалялись они далеко от берегов.

– Это миноец? – спросил Рус, отбросив египтян.

– Не похоже, – сказал Радмир.

– Но кто же тогда это? – с удивлением спросил Рус.

Теперь он понял, почему Радмир решил сообщить ему о подходящем корабле. Появление на море нового народа – событие чрезвычайно важное. Народ, начавший осваивать море, неизбежно стремится к расширению своей власти, а значит – к войне.

– Он направляется к пристани. Причалит – тогда узнаем, кто они, – сказал Радмир.

Рус поинтересовался:

– Радмир, сколько ему идти до города?

– Скоро подойдет, – сказал воевода. – На всякий случай я прикажу начальнику порта усилить бдительность.

– Да зря ты так тревожишься: я уверен, что это посыльный корабль Словена возвращается, – рассмеялся Рус.

– А если корабль не Словена? – проговорил воевода. – Больно он не похож на наши корабли.

– А кто же еще? – проговорил Рус. – А то, что он не похож на корабли, сделанные нашими мастерами... так Словен мог завести других корабельных мастеров... или использовать захваченный у кого-либо корабль. Нет народа на свете, который бы отважился напасть на нас.

– Паний напал на твоего отца и убил его, – напомнил Радмир.

– Вот Словен и пошел наказывать его. Войско Пания разбито, а он, наверно, уже убит.

– И ахейцы на юге начали поднимать головы. Они даже пытаются строить корабли, – проговорил Радмир.

– Им что, головы совсем не дороги? – спросил Рус.

– В их землях несколько лет подряд засуха – неурожай. Скоту нечего есть. Поэтому голод рано или поздно выдавит их из родных мест, – сказал Радмир.

– У нас тоже засуха. Что им тут искать? – сказал Рус.

Он отошел от окна и хлопнул в ладоши. В двери показался слуга. Ничего не спросив, он замер, ожидая приказаний.

– Не стой, неси умываться! – сказал Рус.

Слуга исчез за дверью.

Из постели послышалось сопение. Рус бросил взгляд на постель и вспомнил о гостье. Надо было избавиться от нее – сейчас должны были прийти слуги.

– Радмир, будь добр – отвернись.

Радмир удивился, но тут же сообразил, что Рус не хотел, чтобы он увидел лицо его гостьи, и нарочно отвернулся в сторону окна.

– Беги, Милка. Он не смотрит, – громким шепотом проговорил Рус.

Затем послышался звук поцелуя, шлепанье босых ног по полу, дверь скрипнула и стихло.

– Ну, все? – насмешливо спросил Радмир.

– Все, – сказал Рус.

Радмир повернулся. Рус сидел на лавке у стены. Радмир хотел сказать, что его попытки скрыть лицо подружки напрасны и глупы, так как дворец полон глаз и ушей и поэтому, скорее всего, имя девицы, проводшей ночь с князем, всем уже известно.

Но, взглянув на довольное лицо Руса, лишь едва заметно усмехнулся и продолжил:

– Нас от южных засушливых ветров хоть немного спасают горы. Наш скот пасется на горных пастбищах, на которых

даже в самую сильную жару есть трава. Поэтому нам легче. Но даже свои – загорское племя Болгара пытается захватить наши поля и пастбища. Чего уж говорить о варварах?

– Да там всего лишь один корабль, что он может сделать городу? – проговорил Рус.

– Один – ничего, – сказал Радмир. – На корабле не больше полусотни воинов. Это немного. Но даже небольшой отряд опытных воинов может доставить немало неприятностей. Особенно если следом за ним идет войско.

Слуга вернулся в комнату, но не один. Вслед за ним в комнату вошли еще двое слуг. Один нес кувшин с водой. Другой – большой медный таз.

Таз поставили перед Русом. Второй, с кувшином, приготовился поливать.

– Так пусть охрана на пристани не дремлет, – сказал Рус и, протянув руки вперед, приказал слуге: – Лей понемногу.

Слуга наклонил кувшин, и тонкая струя засочилась на руки. Ополоснув руки, Рус набрал полные ладони воды и плеснул в лицо.

– Я скажу воеводе городского ополчения Буду, чтобы его люди на всякий случай подготовились к обороне. Не нравится мне все это, – проговорил Радмир.

– Ты чересчур напуган, – сказал Рус.

– Я не напуган – я осторожен, – возразил Радмир. – Лишняя осторожность не мешает. Но я знаю множество случаев, когда из-за недостатка осторожности враг захватывал города

без боя.

Закончив умывание, Рус встряхнул руками, и слуга подал ему полотенце. Рус вытер лицо полотенцем.

– Осторожность и в самом деле не помешает. Действуй, как считаешь нужным, – проговорил Рус.

Он приложил полотенце к лицу и почувствовал приятную свежесть. Он встал с лавки и снова подошел к окну и выглянул во двор – там уже собрались дружинники для утренней разминки. Ожидая князя, к занятиям пока не приступали.

Рус почувствовал, как по венам пробежала горячая волна, за ночь в теле скопилась сила, тело вздрогнуло от желания скорее действовать.

Рус накинул рубаху, взял меч и направился к выходу. Радмир пошел за ним. У выхода Рус задержался и, обернувшись к Радмиру, проговорил:

– А когда они войдут в порт, приведи их старшего ко мне во дворец. Пусть расскажет, кто он, откуда и куда идет.

– Так и сделаю, – сказал Радмир и поинтересовался: – Может, остальные новости все же сейчас слушаешь?

– После. Как обычно, после разминки! Во время завтрака, – отмахнулся Рус и выбежал в дверь, словно мальчишка.

Радмир только вздохнул – последними словами Рус нарушил весь распорядок дня.

Следующий час Руса прошел в тренировке под руководством опытного воина Лиса.

Многие дружинники посчитали бы для себя честью учить

князя. Лис не был ни высоким, ни выдающегося сложения, так – средненький человек. По этой причине он не производил впечатления на других людей. Однако дружинники знали, что Лис был ловкий, умелый и хитрый воин, из-за чего и получил свое имя. Многие из тех, кто столкнулся с ним в бою, затем горько раскаивались в том, что недооценили своего противника. Если оставались в живых.

Поэтому Рус и выбрал Лиса в учителя по умению владеть оружием.

После тренировки Рус зашел в баню, где основательно помылся. К этому времени солнце поднялось. Пора было позавтракать, и Рус отправился в гридницкую.

Многие дружинники, в первую очередь молодежь, постоянно жили на княжеском дворе. Для их размещения было выделено особое строение. Главной комнатой в доме была гридницкая, в которой дружинникам давали задания и князь или воевода выслушивали отчеты о выполненных заданиях. Здесь же собиралась дружина для совета.

Здесь же дружинники принимали пищу – еду для дружинников готовили на княжеской кухне. Князь также завтракал с дружинниками.

Поэтому посредине гридницкой стоял длинный стол из дубового дерева, украшенный резьбой: на боковинах стола были вырезаны изображения зверей. Стол накрыт скатертью из белого полотна. По бокам стола стояли лавки.

Для князя во главе стола стояло кресло. Кроме резьбы

оно было также украшено шкурами зверей. На стенах висели знамена и оружие.

Глиняный пол в комнате был покрыт рогожей. В камине рядом с княжеским креслом, несмотря на жаркое время года, всегда горел огонь.

На пороге гридницкой Руса встретил Радмир.

Стол был накрыт для завтрака. Посредине стола стояли блюда деревянные, глиняные и медные, на которые было уложено жареное мясо, рыба, пироги, овощи и фрукты. В больших глиняных горшках – горячая каша и похлебка.

Имелись также емкости с вином и пивом. Для вина – братина: подобие горшка с крышкой; из братины черпали вино ковшами или черпальцами. Для пива – ендова: формой походила на суповую чашку. Было и молоко, свежее и кислое, в глиняных крынках.

Для каждого были выставлены миски, кружки, чарки. Рядом с ними лежали ложки – деревянные или серебряные, в зависимости от близости дружинника к князю.

Еды было в изобилии. Князя не экономили на питании дружины.

Дождаясь князя, дружинники выстроились у стен. Радмир провел князя к креслу.

Рус сел в кресло, и дружинники встали напротив своих мест. Но не садились. Ждали.

– Будь здрав, князь, – провозгласил воевода. Он подал князю небольшой кусок мяса и лепешку.

Рус, держа кусок мяса и лепешку в обеих руках, поднялся, подошел к камину и громко проговорил заклинание:

– Именем Света, именем Рода, именем силы его! Перун насылает благость на призывавших ее. Силу и славу, твердость и ярость даждь нам, Перун, в бою. Гроном явленный, будь вдохновенным, волю яви свою. Именем бога Седого Сварога воину силу даждь. Сыну и брату, другу и вою волю свою яви. Ныне и присно и от круга до круга! Тако бысть, тако еси, тако буди!

Закончив говорить, положил мясо и хлеб в огонь.

– О боги, примите нашей пищи и помогайте нам в наших делах.

Огонь лизнул дары, пыхнул легким дымком, который мгновенно исчез.

– Боги приняли нашу жертву, – сказал Рус, вернулся в кресло и подал знак.

Вот теперь дружинники заняли свои места.

Рус пододвинул к себе миску с кашей и начал есть. Его примеру последовали и дружинники.

Пищу запивали молоком или водой. Вино и пиво, хотя и стояло на столе, не принято было пить с утра.

Не принимал участие в трапезе только писарь, который развернул свиток и начал читать. Это были сведения о ценах на рынках, донесения разведчиков о положении дел в других городах, отчеты о выполненных поручениях и тому подобное.

По ходу чтения Радмир останавливал писаря, чтобы сообщить о принятых мерах либо о том, что, по его мнению, следовало бы предпринять.

Рус слушал молча, только кивая головой, и лишь иногда уточнял подробности. Когда писарь закончил чтение, Рус отложил ложку и начал отдавать указания. Писарь старательно записывал их – позже он передаст список с указаниями воеводе, а тот, если князь сам не поручит кому-либо какое-то дело, раздаст поручения дружинникам.

Наконец Рус закончил с указаниями.

– Что с кораблем? – спросил он воеводу.

– Пока не причалил, но уже точно видно, что это – чужой, – сказал Радмир.

– Как только подойдет, сразу доложи, кто это такие, – напомнил Рус и поднялся – завтрак закончился. Дружинники также оставили еду и поднялись.

Рус бросил взгляд на ключницу – ее зовут Гостята, – стоявшую у входа в гридницкую. Она распоряжалась слугами, прислуживавшими во время завтрака.

– Гостята, идем посмотреть хозяйство, – сказал ей Рус.

Ежедневный осмотр хозяйства для князя такая же обязательная процедура, как и умывание.

Первым делом Рус и Гостята отправились на склады. Ни на шаг от них не отставал писарь, записывавший распоряжения князя.

Здесь Рус занялся чтением амбарных книг. Приход-рас-

ход – муторное дело, особенно для молодого человека, в котором силы били ключом. Взгляд Руса был устремлен в амбарные книги, но мерещился ему горячий конь, погоня за дичью. Однако он уговаривал себя, что ежедневное изучение амбарных книг – дело крайне необходимое: один день пропустишь – потом будет в сто раз труднее восстановить движение запасов на складе, и проявлял неслыханное терпение.

Когда он закончил изучение нудных цифр, в амбаре появился Радмир. Рус счастлив был, что появился повод закончить с чтением амбарных записей.

Он оттолкнул от себя записи и задал нетерпеливый вопрос:

– Ну и что?

– Это корабль из северных земель, – сообщил Радмир.

– Хм, – озадаченно пробормотал Рус. Он не помнил, чтобы в Градо приходили корабли с севера. Весь известный мир был вокруг моря. Здесь были торговля и все деловые связи скифов.

Рус проговорил:

– На севере – кочевники. Они ходят посуху. Зачем им ходить на корабле?

– Это не кочевники, – сказал Радмир.

– Но кто же тогда это? – спросил Рус.

– Они пришли с очень далеких северных краев. Чтобы дойти до нас, они почти три месяца шли по рекам, – сообщил Радмир.

– Это и в самом деле далеко, – согласился Рус. – И как они выглядят?

– Похожи на нас. Даже говорят на нашем языке, – сказал Радмир.

– Неужели! – удивленно проговорил Рус. – И что им нужно у нас?

Радмир пожал плечами.

– Посол говорит, что это тайна. Он просит встречи с тобой, чтобы сказать тебе лично о своем деле.

– Да? Сообщить лично мне? – еще больше удивился Рус.

Конечно, наиболее важные вещи посланники других народов обычно приберегают для того, чтобы сообщить лично правителю. Но, обычно для придания важности, послов принимают только спустя какое-то время после их приезда – для того, чтобы придать встрече большее значение.

Но Рус был молод, нетерпелив, привык решать дела сразу.

– У нас же сегодня назначен прием для послов? – сказал Рус.

– Да, – кивнул головой Радмир.

– Что ж, пусть и эти приходят сегодня. Значит, им повезло, – сказал Рус.

Радмир недовольно поморщился и попытался сделать замечание:

– Князь, по обычаю...

Рус перебил его:

– Да бог с ними, обычаями. Я князь, а потому сам решаю,

когда их соблюдать, а когда нет.

Радмир тяжело вздохнул.

Рус рассмеялся.

– Радмир, да ты не бойся – не уроним сегодняшней встречей свое лицо.

Радмир развел руками.

– Как скажешь, князь.

Глава 11

Столица средиземноморского царства Великих скифов город Градо стоит на берегу пролива, соединявшего южные и северное моря.

Старые предания рассказывали, что когда-то, еще до великого потопа, северного моря не было, а на его месте располагалось озеро, на плодородных берегах которого и жили их предки.

В те времена на севере землю покрывали огромные пласты льда. Но однажды лед начал стремительно таять. Моря переполнились и прорвали тонкий перешеек, отделявший озеро от моря. Хлынувшие морские воды залили озеро и прибрежные земли. Тогда погибло много городов и людей, а оставшимся в живых пришлось идти и искать новые земли.

Поэтому не любят люди северное море – проклято оно богами и людьми, пахнет смертью. Мертвым его называли.

А когда снова люди вернулись в эти земли, то заложили столицу в южной части пролива, подальше от проклятого Мертвого моря.

Градо окружен несколькими рядами высоких стен из белого камня, из-за чего со стороны моря кажется, будто над землею нависло причудливое облако.

В центре города, на высоком холме – крепость. Это царский двор. Кроме главного здания, предназначенного для

торжественных приемов и пиров, здесь множество каменных строений различного предназначения.

В крепости также имеется особенная часть, отгороженная от остального двора, – здесь имеется сад и даже фонтан с бассейном. Эта уютная часть дворового комплекса недоступна для посторонних – вход в нее охраняет стража из самых доверенных и близких к царю дружинников.

Но так как Словен и Рус предпочитали жить рядом со своей дружиной, то фактически в этой части дворца властвуют женщины. Впрочем, их немного: жена князя Словена – Шелонь, которая и является здешней хозяйкой; сестра князей – Илмер. Она еще девочка. Тонкая как тростник. Смешливая. Избалованная.

Были и другие женщины – жены и дочери старших дружинников – подружки Шелони и Илмер. Первые среди них – дочери воевод Скрева, Древа, Полева.

Как и многие молодые люди в его возрасте, Рус не воспринимал женщин всерьез и относился к ним с легкой снисходительностью.

Когда Радмир ушел, Рус подумал, что женщинам захочется услышать рассказ путешественников из дальних земель, ведь они такие любопытные, и он позвал слугу и велел сходить на женскую половину с сообщением о предстоящем событии.

Закончив с этим делом, взглянул на ключницу.

– Что у нас еще осталось, Гостята?

– Осталось осмотреть амбары, – сказала Гостята.

Рус бросил взгляд на писаря. Тот, почувствовав на себе княжеский взгляд, подумал, что он хочет дать указание, и приготовился писать.

– А ты как думаешь? – спросил улыбаясь Рус.

Писарь от удивления вытаращил глаза, – он три года ходил за князем точно тень, и у тени князь до сих пор мнения не спрашивал, – наконец пришел в себя и дипломатично промолвил:

– Князь, мое дело только писать.

– Ну и ладно, – согласился Рус. – Амбары я вчера смотрел, поэтому сегодня схожу на кузницу.

Кузница была любимым местом Руса. Там горел огонь, пахло дымом. Покрытые сажей кузнецы лили одну огненную жидкость в другую, затем заливали форму и били металл тяжелыми молотами, так что искры летели в стороны. Было удивительно наблюдать, как из невзрачных кусков руды получались красивые изделия – мечи, ножи, наконечники стрел и копий.

В кузнице Рус пробыл еще с час, затем вернулся во дворец, где слуги нарядили его к приему.

Глава 12

Когда царь находился в столице, сюда постоянно приезжали посольства из подвластных и соседних племен для решения тех или иных вопросов.

Когда же Словен ушел на войну, поток гостей изрядно побавился – теперь направлялись в полевую ставку. Тем не менее и в Градо прибывали послы.

Прием иноземных послов происходил около полудня в парадной палате по определенным дням и обставлялся со всевозможной торжественностью.

Правда, как видим, молодой князь мог принять посла, вызвавшего у него интерес и в иное время. Но это было исключением.

Великие скифы правили всем Средиземноморьем, поэтому все приезжавшие в Градо послы были представителями зависимых государств, а значит, они могли подождать, и часто прием откладывался, так как князь уезжал на охоту или по другим делам, что для него представлялось более важным делом.

На прием приходили первые бояре, в основном из стариков, которые уже не могли участвовать в княжеских походах, но могли своим благообразным видом придавать событиям необходимую торжественность и пышность. Самые старые бояре сидели на лавках вдоль стен с серьезным видом.

Что помоложе – стояли у стен.

Женщины, без которых никакие дела не могут обойтись, толпились у окна недалеко от княжеского трона. В одеждах ярких цветов – красного, синего, зеленого – они походили на цветник.

Мужчине описывать наряды женщин неблагодарное дело, любое его описание окажется слишком блеклым – он даже если постарается, и то не заметит нюансов женского наряда, между тем как для женщины они часто имеют главное значение, – поэтому отметим лишь основное, что даже мужчина может заметить.

Головы замужних женщин были прикрыты богато украшенными кокошниками. Девицы носили на голове широкую вышитую повязку с широкими лентами позади. Следует отметить, что на женщинах было множество украшений – цепочек, ожерелий, колец.

Среди женщин выделялась строгой одеждой – белое платье-сарафан безо всяких украшений, только красная спираль, знак богини Макоши, на груди, – главная жрица богини Макоши Вольга.

Вольга – мать Словена и Руса. После смерти мужа, царя Богумира, она отошла от дел. Рядом с дворцом построила храм, посвященный великой богине Макоши, и стала в храме главной волхвиней.

Богиня Макошь – мать всех богов, прародительница человеческого рода, богиня плодородия.

За Вольгой, несмотря на смерть мужа, оставался титул царицы, хотя об этом, после того как она ушла в волхвини, старались лишний раз и не упоминать.

Ей не было и сорока лет.

Черные как смоль волосы убраны под покрывало – сверху золотой обруч с узорами тонкой работы. Правильные черты лица. Коричневые глаза со странным «бешеным» блеском. Кожа смуглая – Вольга прикрывала лицо от яркого солнца, – на щеках едва заметный румянец. В уголках глаз появились гусиные лапки, но Вольга искусно маскировала их косметикой.

Кому-то может показаться странным, но косметика, макияж и иные подобные способы приукрасить себя появились в глубокой древности.

Лицу Вольги придавали несколько надменное выражение опущенные уголки тонких ярко-красных губ, тем не менее это только добавляло привлекательности женщине.

Трудности в достижении цели более всего ценят сильные мужчины.

Даже накидка на голове и строгая одежда волхвини – широкая рубаха со спиралевидным орнаментом – не могли скрыть красоты женщины в самом сочном возрасте.

Характер Вольги был под стать ее облику – словно огонь, горячий и изменчивый.

Своим ярким внешним обликом Вольга сильно выделялась среди светловолосых и сероглазых женщин. И это

неудивительно – она происходила из другого рода. Ее брат, каган Сыроядец, правил племенами степных кочевников.

Послы ожидали приема в другой комнате – преддверии к парадной палате.

Ожидая выхода князя, придворные негромко переговаривались. Наконец в палату вошли шестеро отроков – рынд – в нарядных одеждах. В руках они держали короткие копья с начищенными до блеска бронзовыми наконечниками и древками, увитыми разноцветными лентами. Войдя в палату, они выстроились в две шеренги, образуя проход, и замерли с гордыми лицами.

Все притихли – выход рынд свидетельствовал о том, что сейчас появится и сам князь. Так и получилось – высокие двери медленно открылись, и из них вышел Рус.

На голове князя тафья – маленькая круглая шапочка из бархата. В руке богато украшенный посох до плеча. На руках белые перчатки с вышивкой золотой нитью. Рубаха белая. Штаны синие, заправлены в короткие сафьяновые чеботы. Поверх – долгополый кафтан из шелка с длинными широкими рукавами. Кафтан перетянут широким нарядным поясом. За поясом воткнуты с одной стороны – булава из серебра и золота, с другой – меч. На плечах парадный плащ – корзно. На шее золотая цепь.

Руса сопровождал воевода Радмир, также нарядно одетый, и они о чем-то разговаривали между собой вполголоса.

При виде их все склонили головы.

Рус прошел к трону, легким поклоном поприветствовал присутствующих. Отдельно поклонился в сторону женщин. Затем сел в кресло, после чего пригласил:

– Матушка, Шелонь, идите, сядьте рядом со мной.

Вольга подошла и, с осознанием своей роли, села в кресло рядом. Шелонь присела в кресло с другой стороны.

– Как здоровье матушка? – спросил Рус Вольгу.

– Слава богине Макоши, все хорошо, – ответила Вольга.

– Как спалось княгине? – спросил Рус Шелонь.

– Хорошо. Сон снился, будто мой любимый муж приезжает, – сказала Шелонь.

– Значит, так и сбудется, – сказал Рус.

Отдав дань уважения женщинам, Рус повернулся к воеводе, и Радмир сообщил ему, что приема ждут несколько слов.

Послы были от небольших племен, и Русу давно было известно, чего они хотят: из-за засухи повсеместно случился неурожай, поэтому будут просить отсрочки выплаты дани. Такие вопросы не решаются на приемах – переговоры вели доверенные лица из первых дружинников, – но послы должны были предстать перед князем, чтобы засвидетельствовать почтение и послушание.

Рус подал знак, и послы начали входить в палату по одному. Они представлялись, подносили дары. В ответ им Рус говорил вежливые слова, и только. Процедура была скучной, и Рус с трудом сдерживал зевоту.

Наконец двери снова открылись и в палату вошли новые послы.

Все уже знали о приезде в город послов из далеких северных стран, поэтому смотрели на них с неприкрытым интересом.

По виду это были обычные люди – крепкие мужчины с загорелыми обветренными лицами. Волосы у них были светлые. Глаза светло-серые.

Если бы не слишком теплая одежда, то на улице города они никак не отличались бы от местных жителей.

А одеты они были и в самом деле непривычно. Дело было не в наряде. Рубахи такие же – белые, синие, красные – подпоясаны нешироким поясом, украшенным бляшками в виде звериных фигур. Штаны заправлены в короткие красные сафьяновые сапожки. Поверх кафтан, украшенный по краям цветной окантовкой. На стриженных головах мужчин – круглые меховые шапки.

Из украшений – на шее серебряные гривны со звериными изображениями.

Удивляло, что одежда была сшита из теплого сукна, а также обилие мехов в отделке.

А у одного из мужчин, несмотря на жаркое время года, на плечи была накинута массивная шуба белого меха, отделанная дорогими тканями.

Мужчины остановились на приличном расстоянии, и вперед вышел мужчина с шубой на плечах.

При виде его Вольга почувствовала, как ее сердце екнуло. Мужчина был широкоплеч. На подбородке и щеках аккуратная борода. Но больше всего Вольгу поразили его глаза – пронзительно-голубые, словно само небо. На вид ему было около сорока лет.

Это был Тан. Вместе с ним пришли также старшие дружинники Доброгнев и Лещина.

Тан подошел поближе к княжескому трону и, остановившись, приложил руку к груди и низко поклонился.

– Будь здоров, князь, и могуч, как буря! – поприветствовал он Руса.

– И ты будь здоров! – ответил Рус. – И расскажи нам, кто ты, и откуда, и с каким делом пришел к нам?

– Меня зовут Тан. Я посол из северных земель.

– Твой народ живет в степи, что на севере от Мертвого моря?

– Нет, гораздо дальше, – сказал Тан и снова поклонился. – Князь, прежде чем я расскажу о нашей земле, позволь поднести тебе подарки моего народа?

– Хорошо, – сказал Рус.

Тан подал знак.

Доброгнев и Лещина вынесли вперед и поставили у ног Тана сундук, отделанный яркой тканью и ракушками.

Тан сам открыл сундук и вынул из него сначала одну шубу. Он подал ее с поклоном Русу и проговорил:

– Князь, позволь одарить и твоих женщин?

Рус кивнул головой.

Доброгнев подал Тану новую шубу, и Тан отдал ее Вольге. Следующую шубу отдал Шелони.

Взяв в руки шубу, Вольга провела ладонью по меху. Мех был такой мягкий и теплый, что Вольге почувствовалась сладкая истома, и тело обмякло, словно ее приласкал любимый мужчина.

Женщина, потерявшая мужа, имела право выйти снова замуж. Но Вольга, став жрицей великой богини Макоши, сама избрала для себя одиночество. Хотя это не требовалось, так как богиня была покровительницей плодородия и, естественно, не только не осуждала связь женщин с мужчинами, но и поощряла эти связи. Давно Вольга не была в объятиях мужчины, но все мгновенно вспомнилось, словно это было вчера, и по ее спине пробежала нервная дрожь.

Вольга, испугавшись, что ее слабость кто-либо заметит, нахмурила брови и отложила шубу в сторону – ее тут же подхватила любимая служанка Ластивка.

А Тан тем временем уже вынимал шкурки зверей из нового мешка и складывал их у ног Руса. Вскоре перед ногами Руса образовалась целая гора из шкур.

Когда мешок опустел, Тан отдал его Лещине и торжественно проговорил:

– Князь, зверь – наше богатство. Мы добываем белок, куниц, горноста, лосей, бобров, вепрей, куниц. Добываем и черных лисиц, и соболей. Меха этих зверей легки, а шубы

из них теплы. В любой мороз в таких мехах чувствуешь себя словно на горячей печи.

Хотя Рус, житель жаркой страны, был более озабочен защитой от чрезмерной жары и не вполне оценил способности мехов спасать от холода, но зато красоту мехов он все же оценил. Да и трудно было не залюбоваться нежными мехами всех оттенков.

О женщинах же и говорить не приходилось, те моментально влюбились в меха.

Но Тан сделал больше. Он подал новый знак, и ему поднесли три шкатулки из прозрачного золотистого камня.

Одну он подал Русу, другую, поменьше, – Вольге, и третью – Шелони.

Вольга тронула шкатулку и почувствовала приятный запах сосновой смолы.

– Что это? – изумилась Вольга.

– Это янтарь – мы собираем его на берегу моря, – ответил Тан и, загадочно улыбнувшись, проговорил: – Будь добра, царица, открой шкатулку.

Вольга открыла шкатулку и увидела в ней ожерелье из крупных жемчужин идеальной круглой формы. От радости и удовольствия Вольга невольно пискнула, словно маленькая девчонка.

Молодого человека больше интересует оружие, чем украшения, тем не менее богатые подарки северянина произвели на Руса благоприятное впечатление, и теперь его интересо-

вало дело, которое гостей с севера привело в Градо.

– Подарки хороши и богаты, – сказал Рус. – Но с каким делом вы пришли в нашу страну? Торговать хотите? Или еще какие есть дела?

Тан поклонился и сообщил:

– Наша страна огромна. Наши земли богаты и зверем, и рыбой.

– Вижу, – сказал Рус.

– Оттого зарятся на нашу страну чужие племена, – сказал Тан.

– Это плохо, – сказал Рус. – Но почему же вы не дадите им отпор? Или вы слишком робки?

– Неробок наш народ. И воины наши славятся силой и бесстрашием. Но велика наша страна, а чужие народы, жаждущие наших богатств, многочисленны и они множатся. Слишком мало нас, чтобы сохранить свою страну. Потому, чтобы отстоять свою землю, нам нужна помощь, – сказал Тан.

Рус догадался:

– Значит, вы ищете помощь?

– Да! – проговорил Тан. – Без сильного союзника нам не отстоять свои земли.

– Но вы так далеко ушли, неужели ближе не оказалось народов, к которым вы могли бы обратиться за помощью? – спросил Рус.

– Нас окружают народы, чужие нам по крови, а потому, что бы сегодня они ни пообещали нам, завтра они прогонят

нас либо убьют, — пояснил Тан.

— Но почему вы пришли именно к нам? — спросил Рус.

— Мы искали вас, — сказал Тан. — У нас одни боги. У нас одинаков язык и обычаи. Мы чтим своих предков. Мы презираем рабство. Превыше всего мы ставим свободу. Давным-давно мы были единым племенем — вы одной крови с нами, — но враги нас разобзили...

Рус слушал речь Тана с едва уловимой понимающей улыбкой. Его предки правили Средиземноморьем уже полторы тысячи лет, и до сих пор не появлялось силы, способной угрожать их господству, поэтому посол северян явно хитрил, намекая на опасность, которая, по его мнению, угрожает скифам, если они не придут на помощь северянам.

Желание северян Русу было понятно, а вот с желанием помогать им возникал вопрос. Земля северян была богата, но она находилась слишком далеко.

Взгляд Руса упал на гору мехов — заманчиво! — и в его голове возник логичный вопрос: а есть ли в землях северян серебро и золото, медь и олово?

В его голове роились мысли: серебром был украшен сундук, в котором принесли подарки, но посол изделий из серебра и золота не поднес... Свидетельствовало ли это, что в их землях нет серебра и золота? Или они приберегли золото и серебро, чтобы подарить его Словену? Одежда самих послов была украшена серебряными, золотыми и бронзовыми вещами...

– ... Чтобы сохранить свои народы, мы должны объединиться и стать сильными. Время пришло! – закончил речь Тан.

«Дело заманчивое, но слишком большое, без одобрения Словена все равно его не решить», – подвел итог своим размышлениям Рус.

Ответил он так, как и должен был ответить:

– Посол, я понял просьбу твоего племени – и в свое время дам ответ. А пока будете ждать ответа, будьте нашими гостями. Тебе и твоей дружине дадут жилье, достойное вашему положению, и где вы сможете отдохнуть после дальнего путешествия. Вам дадут хорошую пищу и вино.

Рус поднял руку. Все придали лицам внимательное выражение. Рус подал знак:

– Лис, подойди.

Дружинник Лис приблизился.

– Поручаю тебе позаботиться о наших гостях. Обеспечь гостей всем, что им надобно и чего они захотят. Пусть они чувствуют себя, как дома, – распорядился Рус и позвал: – Ключница... Гостиата!

Ключница появилась из тени.

– Гостиата, дашь Лису для северян со складов все, что понадобится, – сказал Рус и подал новый знак: – Казначей...

Боярин, ответственный за сохранение казны, быстро пошел.

– Слышал?

Казначей поклонился.

– Слышал.

– Дашь Лису серебра, если понадобится.

– Все будет сделано, – сказал боярин.

Рус снова обратился к Тану.

– А вы, северяне, будет в чем нужда – спрашивайте.

Тан поклонился и поблагодарил Руса. Он хотел вернуться к своим товарищам, но остановился, так как заговорила Вольга.

– Посол, прими и мою просьбу, – проговорила она, – зайди в гости в храм великой богини Макоши, чтобы рассказать бедным жрицам о своей стране.

Тан посмотрел на Вольгу, улыбнулся и пообещал:

– Я завтра же зайду.

Глава 13

Горные луга, где находилось летнее пастбище, не посещались людьми с прошлой осени, и местный хищный зверь, – горные львы, медведи, волки, – осмелел.

Однако в памяти зверя отложилось воспоминание о многочисленном стаде, что появлялось на этих зеленых лугах каждую весну, перед наступлением жары.

Животных охраняли бдительные стражи, однако неповоротливое домашнее животное представлялась зверю более доступной добычей, чем предельно осторожное дикое.

Поэтому зверь должен был проявить любопытство к новым соседям в первую же ночь.

Наверно, так и происходило.

Но опытный Данав до наступления темноты заставил подручных отремонтировать загон для скота. Затем разделил свою небольшую дружину на две части: одна часть должна была охранять стадо до полуночи, вторая – до рассвета. И чуть пала горная тень на склон горы, как тут же загон окружили шумные сторожа с горящими факелами.

Сам Данав спал ночью вполглаза, просыпаясь при малейшем шуме.

Встал он еще до восхода солнца и первым делом, зевая, вышел в загон проверить, как обстоят там дела.

По пути плеснул в лицо воды из большой деревянной ба-

ды. Вода была холодная, и сон сразу пропал, точно его сняли рукой.

У загона из темноты выступил Троян. Через его плечо висел лук, а в руке он держал копье.

– Как дела – зверь не беспокоил? – спросил Данав, хотя знал, что если бы зверь побеспокоил стадо, то он об этом бы уже знал.

– Тихо, – ответил Троян.

– Странно, – сказал Данав.

– Так мы всю ночь жгли огни и шумели. А зверь-то, он неглупый. Зверь не полезет на рожон, будет ждать, когда мы потеряем бдительность, – проговорил Троян.

Из загона слышалось мычание – животные чуяли рассвет.

Данав бросил взгляд на восток. Вершины гор позолотились солнечными лучами.

– Однако скоро рассветет, – заметил Данав. – Я выгоню стадо на луг, а ты займись хижинкой. Нам тут жить до зимы, а стены покосились – как бы не обвалились и не придавили кого. Приготовьте обед, пошли нам замену. Ночью снова будем сторожить напеременку: у зверя точно терпение кончится и он придет. И нам надо так пугануть зверя, чтобы надолго отбило ему охоту подходить к стаду.

Глава 14

Зная, что предстоящей ночью не придется отдохнуть, Данава после обеда велел всем, кроме, конечно, сторожей, отдыхать.

Молодежь тут же забилась в тень под стеной и уснула.

Данава постелил кошму на сене в хижине и лег. Однако сон не шел.

Вспоминалась Денепра. С тех пор, как Денепру увезли, он не получил от нее ни одной весточки. Да теперь, наверно, и не хотел: Денепре исполнилось семнадцать лет, и ее, наверно, выдали замуж за кого-либо из местных парней.

Но отчего-то сердце жмет тоска по потерянной любви. И сама собой течет по щеке горькая слеза.

Некстати в хижину вошел Троян.

– Как там? – спросил, приподнимаясь, Данава.

– Нормально, – сказал Троян.

– Сторожа не спят?

– Не спят.

– А чего пришел?

– Флягу с водой забыл.

– У тебя же была фляга.

– Выкинул. Прохудилась, – сказал Троян и полез в свою котомку.

Соленая капелька скатилась к губам. Почувствовав соле-

ную влагу, Данав рукавом смахнул слезу со щеки.

Троян вынул из котомки флягу из сушеной тыквы и всколыхнул ее. В фляге булькнула жидкость.

Троян вынул затычку из горлышка и поднес к носу, затем ко рту. Сделав глоток, многозначительно сообщил:

– Во фляге вино.

Он сел рядом с Данавом, протянул ему флягу, и предложил:

– Давай допьем?

– Давай, – согласился Данав, ощущавший на губах горечь.

Он сел. Сделал несколько глотков и вернул флягу с остатками вина Трояну.

– У тебя на щеках слезы, – сказал Троян.

Данав снова поспешно провел рукавом по лицу.

– Ты ее так сильно любишь? – спросил Троян.

Данав на секунду задумался, потом ответил:

– Да. Я ее люблю так, что готов отдать за нее свою жизнь.

Троян приложил флягу к губам. Сделав пару глотков, бросил задумчивый взгляд на Данава.

– Вадит сделал ошибку, что отдал ее, – проговорил Данав.

Троян, держа на весу флягу, неожиданно тихо проговорил:

– Не было никакой ошибки.

– Что?! Что ты сказал? – вскинулся Данав.

– Не было никакой ошибки, – повторил Троян. – Денепру нарочно отправили из села.

– Но как? Зачем?

– Перед тем, как отправить Денепру и ее сестру, собирались старейшины на совет – они решили, что тебе нужна другая жена.

– Какая другая?

– Дочь Рознега.

– Но она еще мала! Ей еще три года расти до брачного возраста.

– Вот потому Денепру и отправили. Ты же не стал бы ждать три года?

– Вадит мне ничего не говорил.

– А как он мог сказать тебе, что разлучает с любимой для того, чтобы женить тебя на другой?

Данав встал.

– Я этого так не оставлю!

– А что же ты сделаешь? – спросил Троян.

– Я найду Денепру и женюсь на ней! Я украду ее.

Троян встал и взглянул в лицо Данава.

– Вадит и старейшины велели следить за тобой. Но я твой друг, а потому не слышал этих слов, – сказал Троян. Он сунул флягу в руки Данава. – Допей вино. Говорят, что вино плохой советчик. Но кто же лучший?

Троян вышел из хижины.

Данав посмотрел на флягу и подумал, что Трояну следовало дожидаться, когда он освободит флягу. Затем он допил остатки вина и сел на сено.

Данаву пришло осознание, что теперь Денепра для него потеряна навсегда, и он зарылся в сено и тихо заплакал.

Глава 15

После окончания приема Рус уединился в своей комнате и задумался. Ему было о чем думать. До сих пор он жил при старшем брате. У него была небольшая дружина из преданных ему молодых людей. Но у него не было ни собственного дворца, ни племен, которые платили бы ему дань. Все, что ему требовалось, давал старший брат. За это он должен был платить неосязаемым, но и самым дорогим для человека – свободой. Рус должен был во всем поступать так, как хотел Словен.

Пока Рус был мальчишкой, такое положение его и его дружину устраивало. Но неминуемо наступает время, когда мальчишка превращается в юношу, и тогда ему больше жизни хочется свободы. Только благодаря свободе расцветает личность, талант человека, его уважение к себе.

Однако желания людей часто разбиваются о реальность: разве мог Рус избавиться от власти брата в мире, где все уже было предопределено – младший находится под властью старшего и нет никакой возможности что-либо изменить?

Только смерть брата могла изменить давно сложившийся порядок. Но об этом Рус и боялся подумать, потому что понимал, что в случае гибели старшего брата он останется один перед многочисленными врагами. Одному ему с ними не справиться. Нет – тому, кто хочет свободы, нужен новый

мир. Но где его найти?

Рус чувствовал желание с кем-то обсудить сложившееся положение.

Дверь в комнату приоткрылась, и в комнату заглянул Радмир. Увидев, что Рус сидит погруженный в свои мысли, он подался было назад, чтобы не мешать думать, но обрадованный Рус махнул ему рукой.

– Заходи, Радмир.

Радмир зашел. Рус кивнул на лавку.

– Присядь, мой наставник, рядом.

Радмир хорошо знал своего воспитанника, его привычки, образ мышления. Поэтому он сразу догадался, что Руса встревожило что-то серьезное. Правда, что – он пока не мог понять. Вроде за день ничего необычного не произошло...

Произошедшему на приеме он значения не придавал: послы регулярно приходят и что-то просят – отсрочки выплаты дани или защиты от беспокойных соседей – обычное дело.

Радмир сел на лавку и спросил:

– Ты хочешь о чем-то посоветоваться?

– Да, – сказал Рус.

– Я скажу, чтобы принесли вина. С вином лучше думается, – проговорил Радмир.

– Скажи, – проговорил Рус.

Это еще больше убедило Радмира в его предположениях.

Он встал с лавки, подошел к двери, открыл ее и приказал слуге за дверью, чтобы принес вина. Вернувшись, сел рядом

с Русом и спросил:

– Так что тебя тревожит, князь?

– Видишь ли, – задумчиво проговорил Рус, – мы живем во дворце, который принадлежал моему отцу.

В голове Радмира шевельнулось предположение, что Руса могло расстроить предстоящее возвращение Словена. Но он тут же возразил сам себе: вот уже три года Рус не мог надолго отлучиться из Градо, поэтому возвращение Словена было в интересах Руса. Возвращение Словена давало ему свободу.

– Сейчас тут хозяин Словен, – осторожно напомнил Радмир.

– Вот именно, – проговорил Рус, – но завтра он может вернуться.

Радмир почувствовал в голосе Руса горечь и подумал, что Рус все же не очень желает возвращения Словена. Это его удивило – Рус любил своего брата.

– Он дает нам все, что нам нужно, – сказал Радмир.

В дверь осторожно стукнули костяшкой пальца.

– Кто там? Входи! – с досадой сказал Рус.

В комнату вошел слуга с кувшином в одной руке и двумя кружками в другой.

– Я принес вино, – сказал слуга.

– Поставь на стол, – приказал Рус.

Слуга поставил кувшин и кружки на стол и спросил:

– Что-либо еще принести?

– Не надо. Оставь нас, – нетерпеливо проговорил Рус. Он

встал с лавки и прошелся по комнате. Ему хотелось продолжить разговор.

Оставив кувшин с кружками на столе, слуга вышел. Радмир подошел к столу и наполнил кружки вином. Одну из кружек подал Русу. Рус остановился около окна и присел на подоконник.

Он сделал глоток, затем задумчиво проговорил:

– Плохо, когда зависишь от другого... даже если он брат тебе и добр. Я не знаю почему, но меня это тяготит.

Теперь Радмир все понял.

– Это не удивительно, – проговорил он. – Высшая ценность для человека – свобода. Человек не может чувствовать себя счастливым в клетке, даже если она золотая. Именно поэтому зависимые от нас народы мечтают об освобождении от нашей власти, хотя бы власть эта и была нетяжкая. И твоя дружина мечтает, чтобы ты вышел из-под власти своего брата.

Рус отметил в уме, что Радмир вслух сказал то, о чем он думал, – следовательно, он был не одинок в своих сомнениях, – и повеселел.

Он сел рядом с Радмиром и шепотом спросил:

– Но как мне выйти из-под власти своего брата?

– Словен может погибнуть в сражении или умереть от болезни, – сказал Радмир.

Рус отшатнулся.

– Радмир, что ты говоришь?! Я люблю своего брата. Он

один делает мне добро. Как я могу отплатить за сделанное им мне добро злом? Нет, я не хочу и думать о его смерти. Я буду просить богов, чтобы они дали ему здоровья и многих лет жизни, – проговорил Рус.

– Тогда... – медленно начал Радмир, но, не закончив мысль, взял кружку и стал пить пиво. Честно говоря, он и не знал, что сказать Русу.

Пользуясь заминкой, Рус спросил:

– Радмир, а что ты думаешь по поводу предложения северян?

Радмир поставил кружку на стол.

– Словену хватает забот и с непослушными южными странами, поэтому он вряд ли заинтересуется их предложением, – проговорил Радмир и взглянул в лицо Руса. – А тебя оно заинтересовало?

Рус кивнул головой.

– Радмир, скажи: если Словен не захочет принять их предложение, то что мне мешает сделать это? Это, может быть, и есть выход в моем положении. На новых землях я смогу стать сам себе хозяином. Мы же сможем собрать войско для этого похода?

– Сможем, – уверенно ответил Радмир. – В нашем племени слишком много молодых людей, которым тесно на этой земле.

– Вот видишь! – с торжеством воскликнул Рус и вскочил.

– Однако... – многозначительно проговорил Радмир.

Рус уловил в его голосе сомнение. Он сел.

– Брат не станет задерживать меня, – дрогнувшим голосом проговорил он.

Радмир положил руку на плечо Руса.

– Князь, послушай меня. Мысль встать во главе северного народа, который, судя по подаркам, баснословно богат, заманчива. Но...

Рус тяжело вздохнул и спросил:

– Что – но?

– Но при всей своей заманчивости замысел невыполним, – сказал Радмир.

– Почему? – спросил Рус.

– Словен, отправившись в поход на Ассирию, оставил на тебе государство. И так как врагов хватает, то, пока Словен не вернется, тебе невозможно уйти из Градо. А когда Словен вернется, неизвестно, – сказал Радмир.

– Судя по поступающим от Словена сообщениям, у него поход складывается не совсем благополучно, – сказал Рус.

– И что же? Это только затянет войну, – сказал Радмир.

– Я думаю, что Словен должен скоро вернуться, – сказал Рус.

– Вряд ли, – сказал Радмир. – А если и вернется, то не раньше зимы.

Рус резко встал.

– Так долго мне ждать невозможно. Нам просто повезло, что северяне пришли к нам. А если бы они встретили Бол-

гара? Болгар и его братья давно высказывают недовольство теснотою на своих землях. Поэтому, если северяне увидят, что мы тянем с ответом, то они обратятся к Болгару и его братьям, а уж те не упустят возможности расширить свои владения и усилиться. А этого допускать нельзя, потому что, набрав силы, Болгар и его братья захотят выйти из-под нашей власти.

– Это – междоусобная война, которая повлечет за собой крах нашего царства! – согласился Радмир.

– Болгар не откажется от своей выгоды, – проговорил Рус. – Так что затягивать переговоры с северянами опрочетчиво. Надо давать им ответ как можно скорее.

Радмир покачал головой.

– Но как это сделать без Словена?

– Надо поторопить Словена с возвращением из похода, – сказал Рус.

– Мы можем послать гонца. Но вряд ли это поможет ускорить его возвращение, – сказал Радмир.

– Почему? – спросил Рус.

– Потому что Словен не победил ассирийцев. Чтобы он закончил войну и срочно вернулся домой, нужна веская причина. Просьба северян таковой не является.

Рус прошел к окну, бросил взгляд на видневшееся вдали море, затем проговорил:

– Я знаю причину, которая заставит его поторопиться вернуться домой!

Радмир подошел к нему.

– Какая?

– Сообщение об угрозе междоусобной войны! – сказал Рус.

– Ты думаешь, Болгар?..

– Да – Болгар и его братья, – сказал Рус.

– Но разве есть сведения, что они замышляют выступить против Словена? – спросил Радмир.

– Но ведь они же могут желать этого? – спросил Рус.

Радмир покачал головой и проговорил:

– Я сомневаюсь, что Болгар пойдет на такое. Однако ты прав. Мы можем и должны предупредить Словена об опасности, если таковая существует. И конечно, лучше, чтобы он сам разобрался с этим. Но что будет, если Словен поймет, что наше предупреждение напрасно?

– Что же, мы можем и ошибаться, – сказал Рус. – Но нам главное, чтобы Словен вернулся и освободил нас от охраны земель. А к тому времени, когда он разберется, мы соберем дружину и уйдем.

– Хорошо, пусть будет так, – сказал Радмир. – Сегодня же я пошлю к Словену гонца с предупреждением.

Рус повеселел. Радмир собрался уходить, но внезапно остановился.

– Чего ты? – удивленно спросил Рус.

– А что, если все это окажется правдой? – спросил Радмир.

– Что – окажется правдой? – удивленно спросил Рус.

– Что Болгар затевает междоусобную войну, – сказал Радмир.

Рус рассмеялся:

– Такого быть не может! Да, он высказывает недовольство, но он побоится открыто выступить против нас.

– Хорошо бы, если бы это и было так, – сказал Радмир и ушел.

Глава 16

А северянами после окончания приема занялся Лис.

Одежда его почти ничем не отличалась от одежды других дружинников, на боку висел короткий меч. Серебряный медальон в виде морды льва на груди свидетельствовал, что он занимал высокое положение в дружине.

Подойдя к северянам, он, проявляя уважение, склонил голову.

– Меня зовут Лис, – напомнил он.

– Меня зовут Тан, – представился Тан.

Доброгнев и Лещина также представились.

– Князь велел мне позаботиться о вас, – сказал Лис, – с кем из вас мне иметь дело?

– Я старший, со мной и надо решать вопросы. А когда меня нет... – сказал Тан и показал взглядом на спутников, – то с Доброгневом или Лещиной.

– Хорошо, – сказал Лис. – Где вы остановились?

– Пока на корабле. Думаем устроиться около торговых рядов, на постоялом дворе, – сказал Тан.

– Так не пойдет – на постоялом дворе много чужих людей, а ваше дело требует тишины, – проговорил Лис.

– Мы не скрываем своих намерений, – сказал Тан.

– И все же лучше пока их держать в тайне, – сказал Лис. – Князю надо время, чтобы обдумать вашу просьбу. Да и по-

советоваться следует.

– Хорошо, – сказал Тан. – Мы будем ждать.

– Я поселю вас на отдельном дворе. Там будет удобно и никто не будет мешать, – сказал Лис. – Сейчас же идемте со мной, я отведу вас в дом, где вы устроитесь.

– Хорошо, – сказал Тан.

Спустя полчаса они шли по городу. По пути северяне осматривали город. Каменные здания в городе их впечатляли, тем не менее они молчали, лишь иногда выразительно переглядывались.

Идти пришлось недолго – Лис привел их в дом недалеко от городских ворот. По пути Тан заметил, что недалеко находилась и городская торговая площадь, что было весьма кстати.

Лещина в дом не зашел. Он сказал, что он приведет остальных, и ушел.

Сам дом оказался просторным. Он состоял из одной большой комнаты и пристроенных к ней нескольких маленьких. В большой комнате был очаг, на котором можно было готовить пищу. Здесь дружина могла проводить дневное время и принимать пищу.

Это понравилось Тану.

Гребцов, которые исполняли и обязанности слуг, он сразу решил расположить в большой комнате. Молодых дружинников – в одной из комнат побольше. Одну из небольших комнат он взял себе – в этой комнате он намеревался

жить сам и хранить ценные вещи, которые привез в подарок. Остальные комнаты он решил отдать старшим дружинникам под личные покои.

Закончив показ дома, Лис хлопнул несколько раз в ладоши, и в комнате появились старик, две женщины – одна по-старше, другая помоложе – и мальчик. Они выстроились у стены.

Лис, показывая на них пальцем, сказал:

– Эти люди будут заниматься хозяйством. Женщины будут готовить вам пищу. Старик – смотреть за домом. А мальчик пригодится, если понадобится куда послать с поручением.

– Хорошо, – сказал Тан.

– Какие будут пожелания? – спросил Лис.

Тан оглянулся и проговорил:

– Да, в общем-то, пока нет...

– Хорошо, – сказал Лис. – Если что понадобится, скажете вот ей. – Он кивнул на женщину постарше.

Женщина склонила голову.

– Ну давайте – обживайтесь, – сказал на прощание Лис и ушел.

К этому моменту пришел Лещина с дружинниками. Тан разъяснил, где кому располагаться, и они начали обустраиваться.

А Тан занялся знакомством с женщинами.

Старшей женщине было не больше сорока лет. Ее лицо

было миловидно. Волосы заплетены в косу и свернуты в клубок на затылке. Прическа была скреплена красной лентой. Из одежды на ней было платье из белой ткани. Ткань была не слишком плотной, так как, когда женщина оказывалась на свету, сквозь платье просвечивалось тело.

Для молодых и здоровых мужчин, не видевших женщин несколько месяцев, картина представлялась соблазнительной, и Тан подумал, что надо будет предупредить их, чтобы проявляли сдержанность.

Младшая на вид была почти девочка.

Тан бросил взгляд на мальчика и девочку. Черты их лиц напоминали старшую женщину – похоже, они были ее детьми.

Однако не успел он заговорить с женщиной, как Квашка бесцеремонно встрял.

– Как тебя зовут? – спросил он старшую женщину.

– Добрина, – сказала женщина, и на ее щеках пробился румянец.

– А меня зовут Квашка, – сказал Квашка.

– Рыжий, не лезь поперед батьки, – осадил его Тан.

Квашка скорчил на конопатой физиономии недовольную гримасу.

Тан сказал, чтобы Добрина осталась, остальным же разрешил заняться своими делами, и они ушли.

– Меня зовут Тан, и я тут старший, – сказал Тан Добрине и бросил подозрительный взгляд на Квашку, лицо которого

замаслилось, словно блин, смазанный маслом. Добавив металла в голос, Тан с прозрачным намеком проговорил в сторону блудливого Квашки: – А если тебя будет кто обижать...

Добрина улыбнулась:

– Не думаю... На вид они хорошие люди.

– Они – хорошие? – удивленно проговорил Тан, бросил взгляд на своих друзей, ухмыльнулся и сказал: – Вот уж не думал. Но ладно – пусть они будут хорошие. Но если что – обращай ко мне, – продолжил он и погрозил кулаком Квашке. – И тогда чьей-то рыжей морде придется туго.

– А почему – я? А что остальные? – обиженно проговорил Квашка и умышленно завожился над мешком со своим имуществом.

– А я всех и предупреждаю, – насмешливо проговорил Тан. Затем он кивнул на девочку. – А ее как зовут?

– Любава. Она и мальчик – мои дети. А старик – мой отец, – сказала Добрина. – Это мой дом. Нам поручено смотреть за этим домом.

– А где твой муж? – спросил Тан.

– Он был дружинником у царя Богумира и вместе с ним погиб, – сказала Добрина, и на ее ресницах появилась слеза.

– Царь Богумир – кто это? – заинтересовался Тан.

Добрина быстро смахнула слезу с ресниц и бросила на Тана взгляд, полный недоумения, но потом сообразила, что Тан ничего не знает о событиях, происходящих в стране.

– Царь Богумир – отец Словена и Руса, – охотно пояснила

Добрина.

– Разве Рус не здешний правитель? – принял участие в разговоре Доброгнев.

– Рус – младший брат Словена, – сказала Добрина.

– Но нас же принимал Рус, а не Словен, – сказал Тан.

– Верно, – проговорила Добрина. – Словен три года назад ушел в Ассирию мстить за убийство отца, да так там и застрял. Поэтому пока у нас правит Рус.

– Понятно, – проговорил Тан.

Теперь ему стало ясно, почему Рус не дал им определенного ответа.

– А известно ли, когда Словен вернется? – задал вопрос Доброгнев.

– Да кто же его знает? – сказала Добрина.

Тан погрустнел, потому что из всего этого вытекал неприятный другой вопрос: если Рус не принимал самостоятельных решений, то, сколько времени надо было ждать того, кто мог дать ответ, – Словена? Ответ напрашивался неутешительный – он мог пробыть в походе и год, и два. Тан же рассчитывал вернуться в родные места до следующей осени.

Услышав ответ Добрины, к ним подошел Лещина.

– Значит, Рус не принимает самостоятельных решений? – спросил он.

– Не знаю, – сказала Добрина. – Городом правят городские старшины.

– А как совет – он может принимать решения без ваше-

го царя? – спросил Тан, которому пришла в голову мысль, что решение вопроса возможно без участия князей. В конце концов, князья – всего лишь военные вожди. Судьбоносные решения принимает большой совет племени – вече.

– А вообще-то вече может принимать любые решения. Вече избирает царя, – подтвердила предположение Тана Добрина, но тут же снова зародила сомнения: – Но смотря какие решения. Есть решения, которые без князя они не будут принимать.

– Ну, предположим, если вашему народу предложить переселиться в другие земли? – спросил Тан.

– А зачем? – спросила Добрина.

– Ну, если в новых землях лучше жить, – сказал Доброгнев.

– Глупости! Где может быть лучше, чем на родине? Нет, никто этого не захочет, – сказала Добрина.

– Ага, – сказал Доброгнев и обратился к Тану и Лещине: – Надо это обсудить.

– За ужином обсудим, – сказал Тан и разрешил Добрине уйти.

Добрина хотела уже идти, но, вспомнив о просьбе Вольги, Тан задал еще один вопрос:

– Добрина, а Вольга – кем она приходится Русу?

– Она мать князей. Царь Богумир был ее мужем. После его смерти она стала жрицей храма богини Макоши. Она очень сильная волхвиня, поэтому все, прежде чем что-либо делать,

обращаются к ней за советом.

На этом Тан прекратил разговор с Добриной – он узнал все, что хотел знать. Но этот разговор его не обрадовал.

Глава 17

Летние вечера длинные, поэтому ужинали засветло.

На ужин закололи свинью, и повар зажарил ее над очагом на вертеле.

Одной свиньи на четыре десятка мужчин было маловато, поэтому в дополнение к свинье Добрина приготовила в большом котле кашу из эммера – пшеницы.

Ко всему этому добавили овощи – целую гору салата из капусты с репчатым луком и морковью, сдобренного оливковым маслом и уксусом. Отдельно – огурцы, чеснок, репа и редька.

Из фруктов – яблоки, груши, черешня, слива и виноград.

Из княжеских погребов в подарок от князей привезли пару бочонков пива.

Таким образом, ужин получился скромный, но сытный.

Как только стол был накрыт, дружинники заняли места за столом. Во главе стола по старшинству место занял Тан. Рядом с ним сели старшие дружинники. Далее – отроки.

Хотя гребцы и не считались членами воинского братства, однако и для них имелось место за общим столом.

Тан с одобрением осмотрел стол – в путешествии им не часто доставался такой хороший обед. А иногда, чего уж скрывать, им приходилось и голодать.

Но прежде чем приступить к пиршеству, Тан встал и при-

нес жертву богам, бросив в огонь немного пищи. Затем он поднял кружку с пивом и произнес небольшую речь:

– Друзья, прежде чем мы начнем есть эту пищу, вознесем хвалу тому, кто нам дал это изобилие, – здоровья князю Русу! Пусть боги всегда будут на его стороне!

Когда здравицы в честь князей и богов закончились, Квашка громко заметил, что жилище предоставлено им не самое почетное.

– Это почему? – спросил Тан.

– Так от дворца далеко. Почетных гостей селят либо на княжеском дворе, либо поблизости, – сказал Квашка.

– Это так, – согласился Тан и с намеком проговорил: – Но зато рядом торговая площадь. И пристань под боком. Это большое удобство.

– Чего же тут удобного? – спросил Квашка.

– В нашем положении лучше быть поближе к своему кораблю, чем к княжескому дворцу, – сказал Тан.

Квашка не понял.

– И что из этого?

– А то, что в случае необходимости нам легче будет уйти, – пояснил Тан.

– Разве нам грозит опасность? – не унимался Квашка.

Тут не выдержал Доброгнев и укоризненно заметил:

– Какой же ты, Квашка, все же бестолковый!

Квашка обиженно засопел.

Лещина поинтересовался:

– Тан, так ты все же думаешь, что нам скоро придется уходить?

Тан понизил голос, так чтобы его слышали только ближние дружинники.

– Ты же слышал, что говорила Добрина, – Рус не принимает решений без одобрения своего брата Словена. А Словен еще три года назад ушел в Ассирию, и неизвестно, когда вернется. Таким образом, мы можем прождать ответа и год, и два, и три.

– А мы обещали дома, что вернемся в следующем году, – сказал Доброгнев.

– Вот именно, – проговорил Тан. – Поэтому я думаю: а не следует ли нам идти на поиски других союзников?

– Это запросто, – проговорил Квашка, который, несмотря на обиду, прислушивался к разговору.

– Квашка, погоди трещать! – строго осадил его Лещина. – Тут надо все как следует обдумать.

– Кормчий на корабле первый человек! – выпалил Квашка. – Поэтому его слово важнее всех.

Лещину поддержал Доброгнев.

– Квашка, может, у руля на корабле ты и первый человек, но куда идти кораблю, решаешь не ты, а дружина.

– Я тоже дружинник! – перебил Квашка.

– Дружинник. Поэтому и имеешь право голоса. Но куда идти кораблю, решаешь не ты один. Тан поставлен племенем над дружиной вождем, поэтому он и примет решение. Сей-

час он спрашивает у нас совета – что нам делать дальше. Ты, Квашка, уже высказал свое мнение, мы его услышали, сейчас помолчи – дай сказать и остальным.

Квашка покраснел от злости. И чтобы скрыть свое смущение выговором, сделал вид, что занят костью с куском мяса.

Тан кивнул головой:

– Это верно.

Доброгнев продолжил:

– Мы все лето шли по рекам и по морю...

– И что из этого? – не утерпел и с сарказмом спросил Квашка.

– В дороге мы не только терпели неудобства... – продолжил Доброгнев.

– Удивил... Неудобства – это и есть наша жизнь, – сказал Квашка.

– Не перебивай старшего, – сделал замечание Тан.

– Хотим мы послушать не только тебя, Квашка, но и других, – сказал Тан и обратился к Доброгневу: – Будь добр – продолжай.

– Да как хотите! – совсем обиделся Квашка и занялся костью.

Доброгнев продолжил:

– Пока мы шли, мы наблюдали за жизнью на берегах. И что мы увидели?

– Что? – спросил Тан.

– Мы увидели на нашем пути множество враждебных нам

народов. Сейчас они пасут скот в степи, но что будет завтра? А завтра они двинутся в путь, потому что их пастбища становятся скудны. И движение неминуемо приведет их на север, – сказал Доброгнев.

Квашка снова не выдержал, он бросил кость под стол и проговорил:

– Это мы уже знаем, потому нас и отправили на поиски союзников.

– Ага, – сказал Доброгнев. – Наконец мы нашли народ, родной нам по крови. И к кому нам теперь идти?

– Не знаю, – сказал Тан. – Мы высказали свою просьбу.

– Нам ответа не дали, и сколько же нам ждать его? – спросил Квашка.

– Мы тут всего ничего. И ничего пока не знаем. Знаем только, что их царь на войне, – сказал Лещина. – Куда нам торопиться? Поживем, посмотрим, а дальше и решим, что нам делать. Войны рано или поздно ведь все равно кончаются. Закончит войну и царь Словен.

– Пока мы будем ждать, тем временем погибнет наш народ, – сказал Квашка.

– Не так уж наш народ и незащитный, – сказал Тан.

– Да, там осталась сильная дружина, – сказал Лещина.

– Лещина прав, – проговорил Доброгнев, – надо подождать, но не без дела сидеть, а выяснять, что здесь происходит и как это можно использовать для нашей выгоды.

– На том и решим, – сказал Тан, – а тебе, Квашка, будет

задание.

– Чего? – спросил Квашка.

– Завтра выйдешь на малой лодке, пройдешь по здешним рекам, посмотришь, что у них по берегам и какие народы еще тут живут, – сказал Тан.

– А их князь разрешит ходить по их рекам? – высказал сомнение Квашка.

– Скажем, что хотим сходить на рыбалку. Разрешит, – сказал Тан.

– А что насчет женщин? – деловито осведомился Квашка.

– Каких женщин? – удивился Тан.

Квашка кивнул за спину, где у очага сидела Добрина.

– Но хотя бы...

Тан пожал плечами.

– Ты чего? Предлагаешь мне спросить на это разрешения князя Руса? Женщина – хозяйка себе. Вот и спрашивай разрешения у нее.

Квашка хихикнул.

– А главная волхвиня положила-то на тебя глаз.

– Вольга? – удивленно спросил Тан. – Да она всего лишь попросила прийти в храм и рассказать жрицам о нашей земле. Да зачем мне идти к бабам?

Доброгнев хмыкнул.

– Просила, не просила... Тан, ты что – ослеп?

– Ты о чем? – спросил Тан. Он не желал признаваться, что заметил интерес Вольги к себе.

– Если ты ей по нраву, то это нам на руку. Разве ты не слышал слов хозяйки дома, что князя во всем советуются с Вольгой? – рассудительно проговорил Доброгнев.

– Слышал, – сказал Тан.

– Если Вольга скажет, что богам будет угодно, чтобы их племя ушло в новые земли... – сказал Доброгнев.

– Понял. Завтра же нанесу визит в храм богини Макоши, – сказал Тан.

– Она женщина красивая. И не старая еще... – намекнул и Лещина.

– Такую красивую женщину можно и полюбить. Особенно когда это идет на пользу дела, – добавил Доброгнев.

Тан поморщился.

– Дело делом, но при чем тут любовь?

– А может, мне заняться этой красоткой? – вызвался Квашка.

– Какой? – не понял Тан.

– Вольгой.

Предложение Квашки вызвало оглушительный хохот.

Доброгнев хлопнул Квашку по затылку и добродушно проговорил:

– Балбес! Дерево надо рубить по своему плечу. Это дерево – явно не для тебя!

Глава 18

На следующий день, когда жара немного спала, Тан взял суму, положил в нее несколько хороших мехов, а также пару жемчужных ожерелий и пошел в гости к Вольге.

Храм богини Макоши находился недалеко от княжеского дворца.

Тан с интересом рассматривал здание. В городе он уже видел каменные здания, побывал и в княжеском дворце. Но такого большого здания он еще не видел. Оно было настолько велико, что люди рядом с храмом казались не больше муравья. Не верилось, что его построили люди. Такое скорее было под силу богам.

Рассмотрев здание, он подошел к входу в храм. Войти в храм можно было только через крепкие, окованные металлом ворота. Они были настолько высоки, что казалось, что они были сделаны для великанов. Обычный человек на фоне этих ворот казался ничтожным.

Ворота в храм были открыты. Хотя рядом с ними стояла служительница.

Вход в храм богини Макоши был свободным для всех, и охранница стояла больше для порядка. Однако, увидев подходившего к воротам человека в необычной одежде, охранница взяла в руки спрятанное у стены короткое копье и, когда Тан подошел к входу, остановила его, заслоня проход

копьем, и, сдвинув брови к переносице, строго предупредила:

– Остановись муж!

Тан послушно остановился. Он с интересом рассматривал охранницу. Это была крепкая девушка-блондинка со светло-серыми глазами. Она была на голову выше Тана. Впрочем, несмотря на свой рост, черты ее лица были вполне милостивы. Связанные в пучок на затылке длинные волосы придавали ей воинственный вид.

Пока Тан рассматривал девушку, та в свою очередь рассматривала его. Ее явно приводило в недоумение излишне теплое, на ее взгляд, одеяние Тана.

Наконец, определив, что перед ней чужестранец, она заговорила:

– Ты кто, чужестранец?

Тан приложил руку к груди и, слегка поклонившись, сообщил:

– Меня зовут Тан.

Для охранницы имя ничего не прояснило.

– Что тебе надобно, чужеземец, в храме нашей богини Макоши? – спросила девушка.

– Волхвиня приглашала меня в гости, и я вот пришел, – сказал Тан.

Надо было бы назвать имя волхвини, но, как назло, оно вылетело из головы Тана.

– Вольга тебя пригласила? – переспросила служительни-

ца.

– Да – Вольга! – сказал Тан.

Девушка, что-то припоминая, поморщила лоб. Наконец вспомнила.

– Подожди, – уже менее строго проговорила она и исчезла в глубине двора.

Ждать Тану пришлось недолго. Вскоре охранница вернулась с другой девушкой, которая сообщила Тану, что Вольга ждет его, и предложила следовать за ним.

Тан послушно пошел за ней.

Сразу за воротами девушка повернула в одну из неприметных дверей. Затем они шли некоторое время по темному коридору. Потом она свернула еще в одну дверь – в глаза сверкнуло солнце, Тан инстинктивно закрыл глаза, а когда открыл, то обнаружил, что находится в саду.

– Где это мы? – спросил Тан.

– Мы пришли туда, куда ты и хотел, – смешливо прыснула девушка. – Неужели ты думал, что волхвини живут вместе с богиней?

– Не знаю, – сказал Тан.

Честно признаться, он и в самом деле до сих пор так и думал, что волхвы живут в лесу, в отдалении от селений, поблизости от священных кумиров, где они могут наедине постоянно общаться с богами.

– У нас таких больших храмов не строят. Боги везде... – проговорил он.

Девушка придала лицу серьезное выражение, приблизилась, наклонила голову к Тану, при этом нечаянно прикоснувшись губами к его уху, так что стало щекотно. Прикосновение молодой женщины было приятно, и по телу Тана пробежала нервная дрожь. Тан подумал, что он долго не чувствовал прикосновения женщин.

Девушка громко прошептала в ухо:

– Люди не могут жить рядом с богами. Иначе плохо будет. Боги питаются силой людей. Место, где обитают боги, можно посещать только для того, чтобы говорить с богами, а жить здесь нельзя – опустошат всю душу человека, слишком долго находившегося рядом с ними.

– Ага, – кивнул Тан. – Мы уже пришли?

– Почти, – сказала девушка.

Она показала рукой на деревянную беседку в глубине сада. Из-за винограда, обвившего беседку, она была почти незаметна среди пышной зелени.

– Иди туда. Там ждет тебя волхвиня, – сказала девушка.

– Ага, – сказала Тан. – А как тебя зовут?

– Зачем тебе мое имя? – кокетливо спросила девушка.

– Ну... – замялся Тан.

Девушка хихикнула, но, овладев собой, притворно строго проговорила:

– Я служительница великой богини Макоши. И тебе достаточно знать это. Иди.

Девушка исчезла, и Тан пошел к беседке.

В беседке был полумрак. Веяло прохладой. Когда глаза привыкли к полумраку, Тан рассмотрел в беседке стол, лавки.

На столе стояло блюдо с фруктами и небольшими сладкими лепешками, кувшин, стаканчики.

На лавке у стола сидела Вольга.

На ней было нежно-розовое платье с глубоким распахом, в котором виднелись белые упругие груди. Черные волосы были распущены и свободной волной спадали на алебастровые плечи. Глаза подведены синим, отчего казались огромными. Губы алели, словно утренняя заря. Кончики длинных ногтей красивой овальной формы алели свежей кровью.

Отметив в уме, что Вольга выглядит крайне соблазнительно, Тан поклонился и поприветствовал ее:

– Будь здорова, Вольга.

– И ты будь здоров, – ответила Вольга. – Я рада, что ты не забыл скромную служительницу богини Макоши и пришел ее навестить.

Есть, конечно, женщины, которым нравится грубое обращение, но таких меньшинство. В основном женщины предпочитают ласку и нежность, поэтому Тан постарался держаться как можно обходительнее.

– Как я мог пренебречь просьбой такой красивой женщины? – сказал он, улыбнувшись.

Любой женщине такое обращение понравилось бы, и Вольга смущенно поправила волосы и попыталась кокетни-

чать.

– Ах, что ты, к сожалению, я уже не так молода...

– Да, ты не девочка... – сказал Тан.

Вольга насторожилась.

Тан продолжил:

– ... но как спелый плод слаще недозрелого, так и зрелая женщина привлекательнее девчонки.

– И не так уж и красива... – сказала заулыбавшаяся Вольга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.